

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

А. М. Мойсинович

Политический сыск в России в конце XIX – начале XX в.

Текст лекций

Рекомендовано

*Научно-методическим советом университета для студентов,
обучающихся по специальности История*

Ярославль 2010

УДК 321; 323
ББК Т 3(2)52–4я73
М 74

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2010/11 года*

Рецензенты:

Л. Н. Курцев, кандидат исторических наук;
кафедра отечественной истории Ярославского государственного
педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

**Мойсинович, А. М. Политический сыск в России в конце
М 74 XIX – начале XX в.:** текст лекций / А. М. Мойсинович; Яросл.
гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 88 с.
ISBN 978-5-8397-0790-0

Текст лекций является частью учебно-методического комплекса дисциплин, изучаемых на историческом факультете Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. История политического сыска в России в конце XIX – начале XX в. представляет несомненный интерес для научного исследования. Большое внимание уделяется структуре и функциям органов политического сыска, его основным направлениям и методам борьбы с революционным движением, деятелям политического сыска и секретным агентам.

Настоящее издание предназначено для студентов, обучающихся по специальности 030401.65 История (дисциплина «Политический сыск в России в конце XIX – начале XX в.», блок ЕН), очно-заочной формы обучения.

УДК 321; 323
ББК Т 3(2)52–4я73

ISBN 978-5-8397-0790-0 © Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова, 2010

Лекция I. Введение в тему. Источники и историография

В XIX в. словом «полиция» обозначали учреждения, поддерживавшие порядок, боровшиеся с преступностью и правонарушениями, защищавшими общественный и государственный строй.

Все учреждения российской полиции можно разделить на две основные группы: полицейская стража и сыскная полиция.

Сыскная полиция в зависимости от выполняемых задач делилась на уголовный розыск и политический сыск.

Политический сыск представлял собой систему действий, направленных на выявление лиц, чьи поступки и образ мыслей, согласно существовавшему законодательству, были опасны для государственного строя.

Его производством занимались специальные правоохранительные органы, призванные не только пресекать, но и предотвращать деятельность этих лиц.

Место и состав политического сыска в уголовном процессе изменялись с течением времени. В зависимости от форм и массовости революционного движения изменялись и его задачи. Производство политического сыска выполнялось главным образом на основании ведомственных инструкций и распоряжений начальства, иногда устных. Немногочисленные инструкции и циркуляры были столь засекречены, что некоторые из них удалось разыскать сравнительно недавно.

Царская политическая полиция являлась важным инструментом государства в борьбе с оппозицией и инакомыслием. Ей была отведена существенная роль в сохранении порядка и незыблемости основ монархического строя. Полицейские органы были неотъемлемой частью политической структуры Российской империи и оказывали значительное влияние на общественное сознание и поведение граждан. Будучи своеобразным «проводником» политики главы государства, полицейский аппарат способствовал поддержанию этой политики в заданных рамках.

Источниками по данной теме являются фонды Департамента полиции (ф. 102) и штаба Отдельного корпуса жандармов (ф. 110), а также личные фонды, хранящиеся в Государственном

архиве Российской Федерации (ГАРФ). Часть документов фондов ГАРФа была опубликована в 2001 г. в сборнике «Политическая полиция и политический терроризм в России»¹.

Фонд Департамента полиции – богатейший источник по истории революционного и оппозиционного движения в России конца XIX – начала XX в. В нем сохранилась переписка между жандармско-полицейскими учреждениями того времени и материалы организаций, за которыми велось наблюдение (например, революционные издания – книги, прокламации, воззвания). Кроме того, в фонде находятся законодательные документы, документы о назначениях и кадровых перестановках, о награждении чинов полиции, донесения о ведении дел в регионах и многое другое.

Немаловажную роль в понимании различных вопросов, связанных с политическим розыском и ситуацией в России, сыграли документы, представленные Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, созданной в 1917 г. для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц, как гражданских, так и военных. Председателем комиссии был известный московский адвокат Н. К. Муравьев, главным редактором стенографических отчетов, по приглашению комиссии, – поэт А. А. Блок. В числе 59 допрошенных были и директора Департамента полиции. Свидетельства, полученные во время допросов, позволяют восполнить пробел в сведениях о некоторых аспектах функционирования органов политического сыска, возникший вследствие уничтожения множества документов в первые дни Февральской революции. Стенографические отчеты допросов и показаний были опубликованы в 1920-е гг. в многотомном издании «Падение царского режима по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства»².

Важным источником, требующим, правда, критического отношения, являются мемуары и дневники государственных

---

¹ Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.) / под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2001.

² Падение царского режима по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. М.; Л., 1926–1927.

деятелей, воспоминания чиновников Департамента полиции, жандармерии, лиц, связанных с политическим сыском. Прежде всего это мемуары директора Департамента полиции А. Т. Васильева; начальников Петербургского охранного отделения А. В. Герасимова, Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева (с 1915 г.), Московского отделения П. П. Заварзина, Саратовского охранного отделения А. П. Мартынова, дворцовой агентуры А. Спиридовича; командиров Отдельного корпуса жандармов В. Ф. Джунковского, П. Г. Курлова³. Часть воспоминаний выходила отдельными изданиями, а часть была в 2004 г. напечатана в сборнике «"Охранка": Воспоминания руководителей охранных отделений» в 2-х томах. Несмотря на определенную субъективность в освещении многих явлений борьбы политической полиции с революционным движением, мемуары позволяют получить более полное представление о руководителях политического сыска, а также о работе возглавляемых ими органов политической полиции.

Необходимо обратить внимание и на воспоминания некоторых бывших сотрудников политического сыска, перешедших на сторону противников Департамента полиции и правительства – революционеров⁴: М. Е. Бакая, Л. П. Меньшикова, А. А. Лопухина. В свое время они занимали видные посты в полиции, имели доступ к секретным материалам, знали неко-

---

³ Васильев А. Т. Охрана: Русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. М., 2004. Т. 2; Герасимов В. А. На лезвии с террористами. М., 1991; Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009; Заварзин П. П. Работа тайной полиции // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. М., 2004. Т. 1; Его же. Жандармы и революционеры // Там же. Т. 2; Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2; Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991; Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1991; Мартынов А. П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. М., 2004. Т. 1 и др.

⁴ Лопухин А. А. Из служебного опыта: Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907; Бакай М. Е. Еще о провокации и провокаторах // Былое. 1909. № 11–12; Меньшиков Л. П. Охранка и революция. М., 1925.

торых тайных агентов полиции, их клички. До революции многие воспоминания сотрудников охраны публиковались в журнале «Былое», одним из редакторов которого был народоволец и социал-революционер В. Л. Бурцев, известный своей деятельностью по разоблачению агентов охраны.

Кроме того, сохранилось множество воспоминаний революционеров, народовольцев, социал-революционеров, социал-демократов – большевиков и меньшевиков. Многие из них на собственном опыте почувствовали все «прелести» политического сыска. За многими следили, арестовывали, предавали суду и ссылали на каторгу в Сибирь. Среди них нужно отметить воспоминания Г. Гершуни, Б. В. Савинкова, В. М. Чернова, Н. К. Крупской, Л. Троцкого, В. Л. Бурцева и многих других⁵. Несмотря на односторонность, воспоминания позволяют получить сведения об одних и тех же людях и событиях с разных точек зрения, например о таком провокаторе, как Е. Азеф и его деятельности в боевой организации. В них освещается подготовка покушений на государственных деятелей, царя, рассказывается об убийствах министра Д. С. Сипягина, В. К. Плеве, великого князя Сергея, разоблачении провокаторов и т. д.

Историографию темы условно можно разделить на три хронологических периода: дореволюционный, советский и современный.

Характерной чертой дореволюционного периода является отсутствие чисто научных исследований. Авторами публикаций чаще всего становились полицейские чиновники и юристы. Со второй половины XIX в. начинают издавать учебные пособия по полицейскому (административному) праву. Среди авторов таких изданий можно выделить И. Н. Белявского, В. Ф. Дерюжинского,

---

⁵ Гершуни Г. Из недавнего прошлого. Париж, 1908; Савинков Б. В. Воспоминания террориста. М., 2009; Чернов В. М. Перед бурей. Нью-Йорк. 1953; Крупская Н. К. О Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 5 т. М., 1968. Т. 1; Троцкий Л. Политические силуэты. Москва, 1990; Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами. М., 1989.

И. Т. Тарасова⁶, которые попытались систематизировать накопленные научные знания о работе полицейских органов. Были и обобщающие исторические очерки, приуроченные к юбилейным датам, например такие издания, как «Министерство внутренних дел, 1802–1902» (1902 г.) или «Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство, 1703–1903» (1903 г.), носящие чисто описательный характер.

Период становления советской историографии отличается преобладанием резко отрицательной оценки государственных институтов и политического руководства Российской империи, односторонним видением деятельности полиции, сводившимся к выявлению в ее деятельности карательно-репрессивного элемента и провокаторов.

После Февральской революции 1917 г., когда был создан ряд комиссий по разбору документов Департамента полиции, охранных отделений и появилась возможность ознакомиться с материалами учреждений, выходят очерки и книги, раскрывающие тайны полиции. В качестве авторов выступают в основном члены этих комиссий: А. Волков, В. К. Агафонов, М. А. Осоргин, С. Г. Сватиков. Работы посвящены заграничной агентуре, анализу методов и приемов охраны, уделяется внимание провокаторской деятельности самих учреждений политического сыска. Выводы исследователей этого периода нельзя назвать строго научными. Авторы систематизировали и анализировали материал, доставшийся им от дореволюционной России. Часть эти работ выходит уже в 1918–1922 гг.⁷

До 1930-х гг. тема находилась на пике актуальности: появилось много исторических исследований, посвященных функционированию учреждений политического сыска. Интерес пред-

---

⁶ Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. М., 1887; Дерюжинский В. Ф. Полицейское право, СПб., 1903; Белявский И. Н. Полицейское право. Юрьев, 1904.

⁷ Волков А. Петроградское охранное отделение. Пг., 1917; Агафонов В. К. Заграничная охранка. Пг., 1918; Осоргин М. А. Охранное отделение и его секреты. Б. м., 1917; Сватиков С. Г. Русский политический сыск за границей (по документам Парижского архива заграничной агентуры Департамента полиции). Ростов н/Д., 1918.

ставляет работа, созданная в 1924 г. совместными усилиями русского эсера Г. Зильбера и французского социалиста Ж. Лонге «Террористы и охранка», в которой рассматриваются приемы агентурного наблюдения, применяемые политической полицией с конца XIX по начало XX в. Г. Зильбером затронута тема взаимоотношений Азефа и Лопухина, которую также активно разрабатывал Б. Николаевский в своих работах «Конец Азефа» (Л., 1926) и «История одного предателя» (Берлин, 1932). Его последняя работа была переиздана в 1991 г.

Нельзя обойти вниманием и такого известного исследователя, как Павел Елисеевич Щеголев (1877–1831) – выдающийся ученый и публицист, один из редакторов журнала «Былое». Его основные труды по политическому сыску и политической провокации – «Агенты, жандармы, палачи» (Пг., 1922), «Охранники и авантюристы» (М., 1930), «Школа филеров» (Былое. 1917) – были переизданы только в 1990-е гг.⁸ В них рассказывается о секретной агентуре и агентах, об охранном быте, о филерах и многом другом.

В советской историографии 1930–1950-х гг. отмечается полное отсутствие исследований, затрагивающих проблемы политической полиции. Тема находилась под негласным запретом. В целом публикации и учебные издания были ориентированы на исследование истории партии большевиков. Данная тема рассматривалась только на основе марксистско-ленинской методологии⁹.

В конце 1950–1960-х гг. наблюдается некоторое смягчение в области цензуры, начинает проявляться тенденция к возобновлению изучения истории государственных учреждений царской России, в том числе и органов политической полиции. Большой вклад в исследование данной тематики внес П. А. Зайончковский¹⁰. Он наметил новые подходы к изучению политических

---

⁸ Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи. М., 2004.

⁹ Ярославский Е. М. Краткая история ВКП(б). М.; Л., 1931; Лившиц С. Московская охранка в борьбе с революционным движением // Борьба классов. 1934. № 7–8.

¹⁰ Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952; Его же. Кризис самодержавия на рубеже 70–80-х гг. XIX в.

институтов Российской империи. В его монографиях охарактеризованы некоторые направления деятельности Министерства внутренних дел и Департамента полиции, приведены данные по кадровому составу жандармских управлений, рассмотрен процесс становления и развития института урядников и т. д. Продолжателем работы Зайончковского был Н. П. Ерошкин¹¹, который в рамках исследования государственных институтов царской России изучал и политическую полицию, формы и приемы ее работы.

В 1970–1980-е гг. начинают изучать структуру политической полиции, ее приемы, методы, классификацию секретных сотрудников, историю появления и развития Департамента полиции, место политической полиции в системе органов Министерства внутренних дел, причины принятия правовых актов, на основании которых действовали учреждения политического сыска, функциональные различия губернских жандармских управлений и охранных отделений. Среди авторов отметим Р. С. Мулукаева, А. В. Хохлова, Д. И. Шинджикашвили¹².

С начала 1990-х гг., вместе с переизданием мемуаров и исследований 1920-х гг., выходят в свет труды современных российских авторов, в которых можно проследить два направления. Одни исследователи сохраняют преемственность советской историографии в оценках деятельности Департамента полиции и общих взглядов на государственные органы дореволюционной России¹³. Другой подход, появившийся в 1990-е гг. подразумевает

М., 1964; Его же. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

¹¹ Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960.

¹² Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964; Его же. Организационно-правовые основы становления советской милиции, 1917–1920. М., 1975; Хохлов А. В. Карательный аппарат царизма в борьбе с революцией, 1905–1907. М., 1975; Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция царской России в эпоху империализма. Омск, 1973.

¹³ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: Полицейский сыск в России, 1649–1917. СПб., 1992; Жухрай В. Тайны царской охранки: Авантюристы и провокаторы. М., 1991; Лурье Ф. М., Перегудова З. И.

рассмотрение органов политического сыска как институтов государственной власти, а их деятельность – непременно условием любого внутривластного курса. Ряд новых документов, ставших доступным историкам, также позволяет более объективно оценивать методы и результаты работы органов политического сыска в борьбе с антиправительственным движением.

В современной историографии преобладающим остается рассмотрение истории органов политического сыска через совокупность отдельных, порой весьма узких вопросов. Например, перлюстрацию писем как прием охраны для выявления объективного настроения масс рассматривает В. С. Измозик и Т. А. Соболева¹⁴. Новый взгляд на противостояние боевой организации партии социал-революционеров и охраны представлен в работе Р. А. Городницкого¹⁵. Э. Ф. Макаревич¹⁶ обратился к личностям выдающихся организаторов сыска – С. В. Зубатова, А. В. Герасимова, В. Ф. Джунковского. Исследованию политического террора, его предпосылок и борьбы с ним посвящены работы О. Будницкого, Л. Г. Прайсмана, А. И. Суворова¹⁷. В 2000 г. вышел крупнейший труд З. И. Перегудовой о политической полиции начала XX в. «Политический сыск в России, 1880–1917»¹⁸. Ее работа обобщающего характера,

---

Царская охранка и провокация // Из глубины времен. 1992. № 1; Розенталь И. С. Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996.

¹⁴ Измозик В. С. А. Д. Фомин и М. Г. Мардарьев: К истории «Черных кабинетов» в России, конец XIX – начало XX в. // Из глубины времен. 1997. № 9; Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М., 1994.

¹⁵ Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.

¹⁶ Макаревич Э. Ф. Восток-Запад. Звезды политического сыска: Истории, судьбы, версии. М., 2003; Его же. Политический сыск: Истории, судьбы, версии. М., 2002.

¹⁷ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, практика, вторая пол. XIX – нач. XX в. М., 2000; Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001; Суворов А. И. Антитеррористическая деятельность в дореволюционной России // Социс. 2000. № 12.

¹⁸ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000.

рассматривает историю Департамента полиции и его учреждений, организацию и основные направления деятельности политического сыска, методы борьбы политического сыска с революционным движением. В сборнике статей «Жандармы России» (2002 г.) нашли отражения вопросы перлюстрации, приемов наружного и внутреннего наблюдения. В 2006 г. издана работа И. Симбирцева¹⁹, в которой он, анализируя структуру центральных органов политического сыска, пытается переосмыслить причины крупных неудач сотрудников полицейских учреждений, приведших, по его мнению, к убийству Александра II и П. А. Столыпина. В 2007 г. вышла книга о повседневной жизни жандармов. Ее авторы – Б. Григорьев и Б. Колоколов²⁰, – в отличие от советской историографии, впали в другую крайность, представив жандармов исполняющими свой гражданский долг и верными присяге, забывая при этом о моральной стороне дела.

Борьба политического сыска с революционным движением получила освещение и в трудах зарубежных историков, например американской исследовательницы Анны Гейфман. В своей работе «В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция»²¹ она делает попытку опровергнуть устоявшееся мнение о роли Азефа как полицейского агента в партии эсеров. В ее интерпретации Азеф не «двойной агент» и не «агент-provokator», а человек, всю свою жизнь бежавший, но так и не сумевший убежать от собственного страха, определившего его мировоззрение и поступки.

На современном этапе сформировались различные подходы к изучению данной темы. Интерес исследователей к политическому сыску велик как никогда. Это можно увидеть из многочисленных публикаций на страницах российских журналов, появления сайтов в Интернете.

---

¹⁹ Симбирцев И. На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880–1917. М., 2006.

²⁰ Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007.

²¹ Гейфман А. В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция. М., 2002.

Лекция II. Структура и функции органов политического сыска

1. Департамент полиции

В Российской империи органы для сыска недовольных существующим строем и расправы с ними появились еще в первой четверти XVIII в. Так, при Петре I такую функцию выполняла **Тайная канцелярия**, первоначально созданная для расследования дела о заговоре царевича Алексея Петровича и его сторонников. При Петре III и Екатерине II – **Тайная экспедиция**, при Александре I – **Тайная политическая экспедиция**. Особенно большую известность имело существовавшее с 1826 г. **Третье отделение** Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а в 1880 г. его место занял Департамент полиции Министерства внутренних дел.

6 августа 1880 г. в России образовалось новое учреждение – **Департамент государственной полиции**, ставший высшим органом политической полиции в Российской империи. Причины, по которым царское правительство пошло на этот шаг, крылись в социально-политической нестабильности российского общества и нарастающей активности политических движений.

Первые месяцы существования Департамента были временем, когда создавалась его структура и определялись основные функции. Активную роль в этом процессе играл М. Т. Лорис-Меликов, министр внутренних дел и шеф жандармов.

Первоначально Департамент государственной полиции состоял из трех делопроизводств – **распорядительного, законодательного и секретного**, позже появились и другие подразделения. К концу его существования в феврале 1917 г. структура выглядела следующим образом.

Первое делопроизводство (декабрь 1880–1917) – распорядительное – заведовало общеполицейскими делами, распределением кредитов и личным составом общеполицейской части. В 1907 г. дела о кредитах и пенсиях были переданы в Третье делопроизводство, а оттуда в Первое делопроизводство поступили дела о политической благонадежности чинов полиции.

Второе делопроизводство (декабрь 1880–1917) – законодательное – занималось составлением полицейских инструкций, циркуляров и подготовкой законопроектов, а также ведало организацией полицейских учреждений в России.

Третье делопроизводство (декабрь 1880–1917) – секретное – до 1 января 1898 г. осуществляло политический сыск, гласный и негласный надзор, борьбу с политическими партиями и массовым движением, охрану царя, руководство заграничной агентурой, а также наружным и внутренним наблюдением на территории России. После 1 января 1898 г. большая часть функций Третьего делопроизводства перешла в Особый отдел.

Четвертое делопроизводство (февраль 1883–1902, 1907–1917) – наблюдательное – производило надзор за ходом политических дознаний в губернских жандармских управлениях, после 1907 г. – надзор за массовым рабочим и крестьянским движением, легальными организациями.

Пятое делопроизводство (февраль 1883–1917) осуществляло гласный и негласный надзор; составляло доклады для Особого совещания.

Шестое делопроизводство (1894–1917) наблюдало за изготовлением, хранением и перевозкой взрывчатых веществ, ведало разработкой и реализацией фабрично-заводского законодательства, с 1907 г. выдавало справки о политической благонадежности лицам, поступавшим на государственную службу или в земство.

Седьмое делопроизводство (1902–1917) наследовало у Четвертого делопроизводства наблюдение за дознаниями по политическим делам, ведало составлением справок о революционной деятельности лиц, привлеченных к следствию по делам о государственных преступлениях, с 1905 г. занималось составлением циркуляров о скрывшихся обвиняемых.

Восьмое делопроизводство (1908–1917) заведовало сыскными отделениями – органами уголовного сыска, школой инструкторов и фотографией Департамента полиции.

Девятое делопроизводство (1914–1917) занималось контрразведкой и надзором за военнопленными.

Кроме перечисленных делопроизводств, в Департаменте полиции имелись **Инспекторский отдел** (1908–1912), возглав-

ляемый директором Департамента полиции и выполнявший ревизии полицейских учреждений, и **Особый (политический) отдел** (1898–1917) – главный штаб политического сыска, который состоял из **Первого отделения**, занимавшегося общей перепиской; **Второго отделения** по делам партии социалистов-революционеров; **Третьего отделения** по делам социал-демократической партии; **Четвертого отделения** по делам общественных организаций национальных окраин; **Пятого отделения** по разборке шифров; **Шестого отделения**, занимавшегося следствием; **Седьмого отделения**, выдававшего справки о политической благонадежности; **Агентурного (секретного) отдела** (1910–1917) и **Секретной части (канцелярии)**.

В составе Особого отдела находились специальная картотека, содержащая карточки со сведениями о 55 тысячах политически неблагонадежных, коллекция фотографических снимков 20 тысяч лиц, проходивших по политическому сыску, и библиотека нелегальных и запрещенных изданий.

Политический сыск империи сосредоточивался в руках заведующего Третьим деломпроизводством (Особым отделом) Департамента полиции. В нем служили жандармские офицеры и редко штатские чиновники, которые, состоя в перечисленных отделениях, обобщали добытые другими лицами сведения, составляли по ним ежегодные «Обзоры важнейших дознаний по делам о государственных преступниках» и списки разыскиваемых политических преступников. Обзоры и списки рассылались провинциальным полицейским учреждениям, осуществлявшим политический сыск.

Часть жандармских офицеров Третьего деломпроизводства занималась непосредственно политическим сыском. Они имели своих секретных агентов, поставлявших им информацию. В 1910 г. генерал-майор А. М. Еремин, начальник Особого отдела, выделил этих офицеров в отдельную группу, назвав ее Секретным (агентурным) отделом.

Между Особым отделом Департамента полиции и периферийными подразделениями, осуществлявшими политический сыск на территории России, с течением времени сложились весьма натянутые, а иногда и враждебные отношения. Провин-

циальные сыщики обвиняли своих столичных коллег и руководителей в присвоении результатов их труда и получении за них наград. Обвинения имели основания. Поэтому Особый отдел не всегда получал из провинции подробные и правдивые отчеты о проведенных сыскных операциях. Он засылал своих секретных агентов в провинцию, чтобы получать недостающую информацию и проверять поступавшие сведения. Иногда периферийные секретные сотрудники натывались на центральных агентов – проваливались операции, обострялись трения, дело не выигрывало.

Некоторым начальникам розыскных служб Петербурга и Москвы удавалось добиться прямых докладов директору Департамента полиции, а иногда и министру внутренних дел. Тогда информация в Особый отдел поступала с существенной задержкой, а иногда и не поступала вовсе. Лишь при одном начальнике Особого отдела С. В. Зубатове Департамент полиции располагал исчерпывающими, правдивыми и своевременно доставленными сведениями, попадавшими туда без задержки. Объяснялось это тем, что Зубатов до Департамента полиции служил в Москве и ощутил все обиды провинциальных сыщиков, поэтому периферийные коллеги вполне ему доверяли, тем более что в недавнем прошлом многие из них были его учениками и подчиненными.

Директор Департамента полиции имел от двух до пяти заместителей – вице-директоров, – один из которых руководил политической частью, то есть являлся главой политического сыска империи. Заведующий Третьим деломпроизводством (Особым отделом) подчинялся непосредственно ему. Директор Департамента полиции имел прямым начальником товарища министра внутренних дел (с 1882 г., когда эта должность была введена в связи с тем, что министр, обремененный целым рядом обязанностей, не всегда мог уделять должное внимание новому учреждению), ответственного за работу всех полицейских служб империи.

Товарищ министра внутренних дел, ответственный за работу полиции, одновременно являлся **командиром Отдельного корпуса жандармов** и председателем **Особого совеща-**

ния. В его состав входили чиновники министерств внутренних дел и юстиции. Совместно с Четвертым и Пятым делопроизводствами Департамента полиции Особое совещание занималось поднадзорными лицами и административной ссылкой, следовательно, политически неблагонадежными. Своим решением Особое совещание могло без суда отправить любое лицо в административную ссылку.

Департамент полиции заведовал всем личным составом полиции и полицейских органов России. Здесь следует уточнить, откуда первоначально брались кадры для работы в Департаменте полиции.

По существу деятельность нового учреждения начиналась едва ли не с нуля, ибо практически весь состав сотрудников III Отделения остался за «бортом». Правда, на этот счет у историков есть различные мнения. Так, Ф. М. Лурье считал, что все сотрудники III Отделения перешли в Департамент. Ч. Рууд и С. Степанов отмечали, что в III Отделении было 72 служащих, из которых 21 изъявил желание перейти в новое учреждение. Департамент государственной полиции строго подошел к отбору кандидатов и принял лишь немногих, особо доверенных. Лишь единицы из них отвечали требованиям, предъявляемым к сотрудникам Департамента. М. В. Сидорова, специально исследовавшая этот вопрос, утверждала, что после упразднения III Отделения чиновники этого ведомства были уволены с пенсиями, соответствующими количеству проработанных ими лет, многие чиновники подали прошение о зачислении в Департамент полиции. 21 прошение было удовлетворено. Приоритет отдавался чиновникам особых поручений, архивистам и канцелярским служащим.

Формирование личного состава Департамента полиции было затяжным. Старые кадры не подходили как по своим профессиональным качествам, так и в силу того, что часть из них были жандармами, людьми военными. Лорис-Меликов, как министр внутренних дел, стремился к тому, чтобы новое учреждение состояло из «законников», т. е. лиц гражданских и с юридической подготовкой. Формирование кадрового состава Департамента полиции началось с 15 ноября 1880 г., когда ука-

зом императора на Департамент полиции было возложено руководство как политической, так и общей полицией.

В указе было определено штатное расписание Департамента государственной полиции: директор Департамента, вице-директор, чиновники особых поручений (3), секретарь (1), журналист (1), делопроизводители (3), старшие помощники делопроизводителей (10), младшие помощники делопроизводителей (9), казначей (1), помощник казначея (1), начальник архива (1), помощники начальника архива (2), чиновники для письма (18).

Штатное расписание Департамента периодически менялось в сторону увеличения числа сотрудников. В действительности в Департаменте их было значительно больше, чем предусматривалось штатным расписанием. Фактическое число служащих доходило, например, в 1899 г. до 174 человек, когда по штату полагалось 42.

В ведении Департамента полиции находились полицейские учреждения, как городские, так и уездные, градоначальники, речная и фабричная полиция, сыскные отделения, адресные столы, пожарные команды. Тесно связаны были с Департаментом и органы штаба жандармов на местах – губернские жандармские управления и областные жандармские управления (ГЖУ, ОЖУ), жандармско-полицейские управления железных дорог (ЖПУ ж. д.), розыскные пункты (с 1903 г.), охранные отделения, районные охранные отделения (1907–1917 гг.). Эти учреждения в своей оперативно-розыскной и наблюдательной деятельности подчинялись Департаменту, а по строевой, хозяйственной, инспекторской – Отдельному корпусу жандармов.

2. Отдельный корпус жандармов

В 1880 г. Корпус жандармов вошел в состав Министерства внутренних дел. Министр стал главным начальником Департамента и одновременно шефом жандармов, а один из товарищей министра внутренних дел, «заведующий полицией», отвечал за деятельность полиции и был командиром Корпуса жандармов.

Хотя официально Департамент полиции являлся составной частью Министерства внутренних дел, но к XX в. он превратился фактически в важнейшее самостоятельное ведомство России, дея-

тельность которого незримыми нитями опутывала всю политическую, общественную и культурную жизнь страны.

Корпус жандармов был специализированным военным формированием, военные чины которого составляли основу штаба жандармско-полицейских учреждений Российской империи. К 1880 г. численность Отдельного корпуса жандармов составляла 521 генерала и офицера, 6187 нижних чинов. В середине 1913 г. он насчитывал уже 12 700 человек. Из них – 912 генералов и офицеров, 30 классных чиновников. К концу 1916 г. в корпусе служили около 16 тыс. человек. Из них более 940 офицеров и генералов, десятки классных чиновников. Однако основную массу жандармерии составляли вахмистры, унтер-офицеры и рядовые.

Корпус состоял из Главного управления (штаба), 75 губернских и областных жандармских управлений, 30 уездных жандармских управлений Привисленского края, 33 жандармско-полицейских управлений железных дорог, в состав которых входило 322 жандармских отделения в городах и на крупных станциях: 3 дивизиона, 1 конная жандармская команда, 2 пеших жандармских команды, 2 портовых и 21 крепостная жандармская команда, 27 строевых частей.

Главное управление корпуса состояло из шести отделений.

Первое отделение занималось комплектованием личного состава Корпуса.

Второе отделение ведало организацией жандармских управлений пограничных пунктов, а также инспектировало подразделения Корпуса.

Третье отделение расследовало должностные преступления чинов Корпуса, с 1868 по 1892 г. занималось финансовыми и хозяйственными делами.

Четвертое отделение являлось административно-хозяйственным управлением Корпуса.

Пятое отделение производило под руководством III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии наблюдение за жандармскими офицерами, осуществлявшими политический сыск и дознания.

Шестое отделение в 1867–1874 гг. являлось судебной частью Корпуса жандармов. В 1896 г. его преобразовали в судную часть.

Ведущим структурным подразделением политического розыска являлось **губернское жандармское управление**, подчинявшееся по сыскной части Департаменту полиции. Управления размещались в губернских городах, в крупных уездных центрах они имели отделения или одного ответственного за политический сыск в этой местности офицера, считавшегося помощником начальника губернского жандармского управления.

Основные функции жандармов регламентировались законом от 19 мая 1871 г. Главным в их деятельности становится дознание, а также политическое следствие. Канцелярия жандармского управления делилась на несколько частей (общего руководства, розыскную, следственную, политической благонадежности и денежную часть). В ведении жандармских управлений находились жандармские части. В некоторых городах создавались городские жандармские управления.

При столичных губернских жандармских управлениях были организованы жандармские кавалерийские дивизионы, позднее, в 1900 г., был создан Варшавский дивизион. Все три дивизиона закончили свое существование в 1917 г. Рядовой состав дивизиона набирался из новобранцев после тщательной проверки на благонадежность. Главным назначением дивизионов было несение патрульной службы и борьба с волнениями. Каждый дивизион состоял из 2 эскадронов, хозяйственной части, канцелярии, казначейской и учебной частей. Численность дивизиона вместе с офицерами и нестроевым составом практически не превышала 500 человек.

Вооружены жандармы были револьверами и шашками. В годы Первой русской революции жандармские дивизионы и подчинявшуюся жандармерии сельскую конно-полицейскую стражу снабдили также винтовками.

Жандармские управления на железных дорогах обеспечивали сохранность и порядок на железных дорогах, кроме того, на них накладывались обязанности общей полиции. Ситуация меняется в годы Первой русской революции, когда их права расширяются. С 1906 г. особыми секретными распоряжениями министра внутренних дел была усилена их самостоятельность.

Поводами для ареста у железнодорожной жандармерии могли быть сведения о неблагонадежности лиц (в полосе отчуждения железных дорог), подозрения в совершении политических преступлений, принадлежность к революционным организациям, данные о приготовлении к стачке, восстанию, печатание преступных изданий в подпольных типографиях, собрания членов революционных организаций и другие противозаконные акции.

Корпус жандармов пополнялся за счет армейских офицеров.

Существовали правила приема офицеров в Корпус жандармов, которые утверждались министром внутренних дел, шефом жандармов.

От офицеров армии и флота, поступающих в жандармы, требовалось потомственное дворянство, окончание военного или юнкерского училища по первому разряду, пребывание в строю не менее 6-ти лет, православное вероисповедание, не польское происхождение, отсутствие долгов.

Лица, пожелавшие вступить в Корпус, ходатайствовали через своего командира, который представлял в штаб Корпуса послужной список с характеристикой на офицера. В ней указывались не только деловые, но и нравственные качества кандидата, репутация у начальства и товарищей, образование и т. д. Затем это лицо вносилось в список кандидатов, проходило собеседование в комиссии, организованной при штабе.

На предварительных испытаниях кандидат должен был выполнить письменную работу на заданную тему. При собеседовании обращалось внимание на его общее развитие, способности, знакомство с иностранными языками, а также языками по месту службы (польский, латышский, финский).

Выдержавшие экзамен впоследствии прикомандировывались к штабу Корпуса и под руководством опытных офицеров проходили курс обучения по ведению делопроизводства, приобретению практических навыков будущей работы. Затем офицеры подвергались повторным испытаниям. Те, кто признавался «соответствующим» для службы, по усмотрению командира корпуса назначались на вакантные должности.

Определенные послабления были сделаны офицерам, поступавшим в жандармские дивизионы, так как охотников до этой

службы было меньше, а потребность в них больше. Для них требовался меньший срок армейской службы (2 года), и они не подвергались предварительным испытаниям.

Со временем правила приема в Корпус жандармов усложнялись. Более специальными становились письменные работы (по истории, литературе или вопросам юриспруденции). Строже стало проводиться и собеседование. Главное же новшество состояло в том, что офицер, прошедший все эти стадии, заносился в список на прохождение специальных курсов, организованных при штабе Корпуса жандармов.

Курсы готовили офицеров к их будущей служебной деятельности, давали определенные навыки и знания в их будущей профессии. Обучение продолжалось разные сроки, в среднем от 3 до 6 месяцев. Программа была рассчитана так, чтобы число учебных часов было не менее 100.

Лекторы читали будущим жандармам уголовное право, курс по производству дознаний и расследованию политических преступлений, железнодорожный устав. Позднее к ним добавились лекции по программам политических партий, их истории, будущих жандармов знакомили с техникой фотографии, дактилоскопии и другими сведениями, которые могли пригодиться офицеру розыска. Уделялось внимание практическим курсам по владению оружием, приемам самозащиты.

После выпускного экзамена окончившие курсы указом царя переводились на службу в корпус и получали назначение в различные жандармские управления и армейские части.

Мотивы перехода офицеров в жандармы были самыми различными. Среди них имелись идейные люди, но большинство подавали заявления на вакансию в корпус потому, что служить в нем было значительно выгоднее, чем в армии. С одной стороны, жалование жандарма значительно превышало армейское, с другой – офицеры корпуса жандармов, несущие розыскную службу, получали чины и ордена вне очереди, установленной во всех других ведомствах Российской империи. Например, за 5 лет начальник Петербургского охранного отделения А. В. Герасимов из чина ротмистра перешел в генерал-майоры. Понимание того, что за хорошие деньги и чины придется нести тяжелую в

морально-психологическом плане службу, приходило обычно позднее. Офицерам следовало нести нелегкое бремя жандармской работы: проводить обыски, аресты, дознания.

3. Охранные отделения

Первое охранное отделение, как орган политической полиции, было создано в Петербурге в 1866 г. после покушения на Александра II. Но ряд десятилетий в связи со слабым развитием революционного движения, примитивностью техники розыска оно не играло заметной роли. Штат его состоял всего из 12 человек.

После ликвидации III Отделения распоряжением министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова при канцелярии Московского обер-полицеймейстера 1 ноября 1880 г. было открыто «Секретно-розыскное отделение», аналогичное подразделение появилось и при Варшавском губернаторе.

В соответствии с положением об усиленной охране от 14 августа 1881 г. все три Отделения по охране общественной безопасности и порядка (**охранные отделения** с апреля 1887 г.) были подчинены Третьему делопроизводству Департамента полиции.

По замыслу правительства они принимали на себя основную нагрузку по предотвращению и пресечению политических преступлений. Охранные отделения были призваны содействовать ослаблению зависимости Департамента полиции от Отдельного корпуса жандармов, так как вслед за ликвидацией III Отделения политическая полиция ощутила падение своего влияния на действия жандармерии при производстве сыска. Объяснялось это подчинением Отдельного корпуса жандармов Военному министерству (как военной полиции) и министру внутренних дел как его шефу.

Министр внутренних дел, обремененный всевозможными заботами, не мог заниматься координацией действий Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов. Практика сотрудничества этих двух учреждений показала, что их успешное взаимодействие зависело исключительно от характера личных отношений между корпусным начальством и директором Депар-

тамента полиции. Департаменту полиции требовался помощник, принадлежавший только ему, не зависящий ни от чьих личных отношений и имеющий общего с ним начальника. Таким помощником стала система охранных отделений. Тем не менее Департаменту полиции не удалось избежать трений и с охранными отделениями, и подчас личные отношения оказывались решающими в решении ряда вопросов.

Охранные отделения подчинялись только Департаменту полиции. Однако некоторые начальники охранных отделений, минуя Департамент полиции, устанавливали прямые контакты с товарищем министра или с самим министром внутренних дел. К примеру, благодаря особой осведомленности начальник столичной охраны А. В. Герасимов имел право обращения к министру внутренних дел П. А. Столыпину. И не мудрено: он получал информацию о деятельности партии социалистов-революционеров из рук руководителя боевой организации эсеров, члена ЦК Е. Азефа.

Петербургское, Московское и Варшавское охранные отделения в период царствования Александра III не играли существенной роли в политическом сыске империи. Основная секретная агентура находилась в подчинении Третьего делопроизводства, и они обзаводились своей, набирали силу. В царствование Николая II из полученных им в наследство трех охранных отделений выдвинулась Московская охранка. Главная заслуга в этом принадлежала С. В. Зубатову, получившему пост начальника охранного отделения в 1896 г. Благодаря личным способностям, упорной работе, покровительству великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Москвы, и добрым отношениям с директором Департамента полиции А. А. Лопухиным в 1902 г. Зубатова перевели в столицу, и он занял должность начальника Особого отделения Департамента полиции, то есть руководителя политического сыска империи.

По инициативе министра внутренних дел В. К. Плеве во всех крупных городах империи с 1902 г. начали действовать розыскные отделения, 13 февраля 1903 г. их переименовали в охранные отделения, к концу 1907 г. их число достигло 27. Они создавались при полицейских управлениях, но подчинялись Особому

отделу Департамента полиции и отчитывались в своих действиях только перед ним. В обязанности охранных отделений входило обнаружение тайных типографий, запрещенной литературы, фальшивых документов, наблюдение за местами скопления людей и выявление умонастроений во всех слоях российского общества, а также розыск лиц, совершивших или могущих совершить противоправительственные действия.

Как правило, все охранные отделения укомплектовывались из жандармских офицеров. Поставлял их туда Отдельный корпус жандармов. Там, где охранных отделений не было, политический сыск производился силами местных жандармских управлений и жандармских пунктов.

Кроме жандармских подразделений, в восьмидесяти девяти городах империи действовали сыскные отделения, деятельность которых заключалась в негласном расследовании и производстве дознаний для предупреждения, устранения, разоблачения и преследования преступных деяний общеуголовного характера и всемерном содействии службам политической полиции.

14 декабря 1906 г. Московское охрannое отделение превратилось в Московское (Центральное) районное охрannое отделение, объединившее под своим началом тринадцать губерний центральной части России (Архангельскую, Владимирскую, Вологодскую, Калужскую, Костромскую, Московскую, Нижегородскую, Орловскую, Рязанскую, Смоленскую, Тверскую, Тульскую и Ярославскую) с их охранными отделениями и жандармскими управлениями. Просуществовав семь с половиной лет, оно 1 марта 1914 г. было расформировано, и все составляющие его части вновь обрели самостоятельность. Такого рода преобразования в системе охранных отделений продолжались вплоть до Февральской революции. Министр внутренних дел П. А. Столыпин 9 февраля 1907 г. утвердил «Положение об охранных отделениях». Вслед за ним появились инструкции по организации наружного (филерского) наблюдения и внутреннего агентурного наблюдения. Именно этот момент специалисты считают завершающим в создании органов политического сыска в Российской империи.

Охранные отделения состояли из канцелярии, отдела наружного наблюдения и агентурного отдела (внутреннего наблюдения).

Канцелярия занималась перепиской, получением всех секретных инструкций, циркуляров и постановлений, поступавших из центральных учреждений, и их рассылкой губернаторам, полицмейстерам и начальникам жандармских управлений. Канцелярия ведала картотечным алфавитом на всех лиц, проходивших по политическому сыску. В алфавите Московского охранного отделения к февралю 1917 г. насчитывалось около трехсот тысяч карточек. Департамент полиции регулярно рассылал во все канцелярии охранных отделений империи списки, содержание которых служило основанием для производства всероссийского политического сыска.

Все разыскиваемые по списку делились на 5 групп:

1. Лица, подлежащие немедленному аресту и обыску, включались в список А₂. Социалисты-революционеры, максималисты и анархисты выделялись в особый список А₁.

2. Разыскиваемые лица всех прочих категорий, при обнаружении которых следовало ограничиться установлением наблюдения, надзора или сообщением о них разыскивающему учреждению, включались в список Б₁. Лица, которым въезд в империю запрещался, которые были высланы насовсем или на определенных условиях за границу, и иностранцы, подлежащие особому наблюдению, выделялись в список Б₂.

3. Сведения о неопознанных революционерах с приложением фотографий на предмет опознания и установления личности включались в список В.

4. Сведения о лицах, розыск которых подлежит прекращению, помещались в список Г.

5. Сведения о паспортах, служебных бланках, документах, печатях, похищенных, утраченных или найденных случайно, обнаруженных при обыске, включались в список Д.

Канцелярия Петербургского охранного отделения состояла из восьми столов.

Первый стол ведал личным составом охранного отделения и учетом арестованных.

Второй стол выполнял отдельные требования губернских жандармских управлений и охранных отделений, вел переписку о благонадежности и установку адресов поднадзорных лиц.

Третий стол ведал всеми видами надзора, учетом исполнения постановлений Особого совещания о высылке в административном порядке и розыском по циркулярам Департамента полиции.

Четвертый стол вел переписку об арестованных в порядке охраны, производил осмотр вещественных доказательств.

В ведении **пятого стола** были архивно-справочная часть, регистрация и формирование дел и выдача справок.

Шестой стол ведал особо секретной перепиской по политическому розыску о политических партиях, профессиональных союзах, общественных и студенческих организациях.

Седьмой стол (или агентурная канцелярия) составлял доклады по производству арестов, разрабатывал агентурные сведения и сведения наружного наблюдения.

Восьмой стол вел переписку о стачечном движении и о настроениях рабочих фабрик и заводов столицы.

Канцелярия Московского охранного отделения состояла из пяти столов, в провинциальных охранных отделениях канцелярии были еще меньше.

Отдел наружного наблюдения каждого охранного отделения империи состоял из заведующего, участковых квартальных надзирателей, вокзальных надзирателей и филеров. В распоряжении этого же отдела московской охраны находился конный двор, все извозчики которого состояли на службе в Департаменте полиции.

Участковые надзиратели наводили справки об интересовавших охранку лицах и поддерживали связь с филерами. Вокзальные надзиратели присутствовали при прибытии и отправлении поездов и в случае необходимости задерживали выслеженных филерами лиц.

Агентурный отдел внутреннего наблюдения считался главным подразделением охранного отделения. Канцелярия и отдел наружного наблюдения осуществляли его обслуживание. В агентурных отделах разрабатывались данные, полученные от осведомителей и путем перлюстрации писем. Здесь анализировались все сведения, полученные от агентов.

Охранные отделения без изменений дожили до Февральской революции.

4. Заграничная агентура

С ростом революционной эмиграции, с созданием колоний русских революционеров за рубежом перед органами политического сыска встает задача создания эффективной службы наблюдения за деятельностью российских революционеров в странах Европы и США.

III Отделение в свое время посылало агентов за рубеж для наблюдения за отдельными лицами. Оно также дало большие полномочия начальнику Варшавского жандармского округа по налаживанию службы и контролю за эмигрантами в пограничных районах, переводило средства на организацию и оплату этой работы.

Определенное время III Отделение, а затем Департамент полиции пользовались информацией русских консулов в Париже, Вене, Берлине, Лондоне, Бухаресте, Нью-Йорке. Однако такого рода разрозненная информация все меньше устраивала власти.

На необходимость создания специальной службы наблюдения за русской политической эмиграцией за рубежом указывал и М. Т. Лорис-Меликов. В апреле 1880 г. были командированы за рубеж его представители М. Н. Баранов (во Францию) и В. М. Юзефович (в Пруссию). Им было дано задание собрать сведения о русской политической эмиграции, проверить работу агентов III Отделения, составить проект ее организации, ознакомиться с деятельностью местной полиции.

Результаты проверки показали убогость, примитивность, малоэффективность деятельности агентов русской полиции. Их сведения были «порой отрывочны, противоречивы, лживы». Тогда же Барановым были предприняты попытки создать русскую секретную службу при парижской префектуре. Но это начинание было неудачным. Иностранцы, не зная русского языка, давали сведения о личной жизни политической эмиграции, а не об их замыслах и беседах. От услуг французских коллег пришлось отказаться. Оказавшись в безвыходном положении, правительство решило, хотя и временно, пойти по пути совершенно недопустимому – оно поручило руководство политическим сыском во Франции дипломату – русскому посланнику в

Париже князю Н. А. Орлову, сыну покойного главноуправляющего III Отделением А. Ф. Орлова.

Департамент полиции лишь в 1883 г. взял на себя руководство заграничной агентурой. С этого времени она была непосредственно связана с **3-м делопроизводством** Департамента полиции, а после 1898 г. – с Особым отделом. Вся отчетность, переписка заграничной агентуры направлялись в указанные структуры. Отсюда же получали инструктивные письма, предписания, сведения о финансировании. Содержание русской полицейской службы в Европе в 1884 г. составляло пятьдесят восемь тысяч рублей.

Так же, как организация самого Департамента, становление службы заграничной агентуры заняло несколько лет.

В июле 1883 г. директор Департамента полиции В. К. Плеве назначил главой Заграничной агентуры завербованного им польского эмигранта П. В. Корвин-Круковского. Местом пребывания руководства Заграничной агентуры был определен Париж. Круковский начал с увольнения скомпрометировавших себя сотрудников и найма новых из французов.

Корвин-Круковский обосновался в Париже в помещении Российского посольства. Несмотря на определенные неудобства нахождения политической полиции в дипломатическом учреждении, заграничная охранка располагалась в нем вплоть до ее ликвидации после Февральской революции.

Но вскоре помощник Плеве Г. К. Семякин пришел к выводу, что Круковский слабо разбирался в делах политического сыска, плохо исправлял свои обязанности и злоупотреблял в расходовании денег, переводимых ему из Петербурга на содержание агентов. Увольнение Круковского состоялось в марте 1884 г.

Вместо Круковского Семякин предложил назначить руководителем Заграничной агентуры Петра Ивановича Рачковского, побывавшего в январе 1884 г. в Париже со специальным заданием и хорошо зарекомендовавшего себя у высшего полицейского начальства. До назначения Рачковского заграничный политический сыск занимался только наружным наблюдением, его осуществляла группа из шести филеров-французов во главе с Барлэ. Рачковский продолжил развитие филерского наблюдения, поставил внутреннее наблюдение, постепенно вербуя секретных

агентов из эмигрантов. Внедрив в их среду своих людей, он устраивал разгромы народовольческих типографий, создавал динамитные лаборатории и выдавал их французскому правительству. Рачковский распространил свои действия на те европейские государства, где пустила корни русская эмиграция, – Францию, Швейцарию, Италию. В 1889 г. при Рачковском начала работать агентура на Балканах, деятельность которой распространялась на Румынию, Болгарию, Сербию, Австро-Венгрию. В 1894 г. была организована агентура в Галиции, в 1900 г. – в Берлине. В это время бюджет Заграничной агентуры составлял около девяноста тысяч рублей в год.

Проникновение политического сыска в новые страны сопровождалось разрешением правительств этих государств на размещение в них представителей русской политической полиции. Рачковский установил прочные связи с западной прессой и через нее влиял на общественное мнение европейских государств. У него были дружеские отношения с политическими деятелями, депутатами, дельцами. Его особняк в Сен-Клу под Парижем посещали самые высокие персоны административной иерархии европейских правительств. Ему удавалось оказывать ощутимые услуги Министерству внутренних дел Российской империи.

В последние годы перед отставкой Рачковский все больше втягивался в политику и интриги, занимаясь вопросами, которые не входили в его компетенцию. Он добился того, что получаемое им жалование было выше, чем у директора Департамента полиции (соответственно 12 и 10 тысяч рублей).

В первый раз карьера действительного статского советника Рачковского прервалась в 1902 г., когда он написал вдовствующей императрице Марии Федоровне, что ее сын Николай II пригласил в Россию спирита и гипнотизера Филиппа и его влияние на императора может иметь отрицательные последствия. Монарх возмутился наглостью полицейского чиновника, и министр внутренних дел В. К. Плеве отправил талантливого сыщика в отставку.

Место Рачковского получил начальник Особого отдела Департамента полиции Л. А. Ратаев, прибывший в Париж в ноябре 1902 г. Возглавив пост, он увидел, что революционная

деятельность переместилась из Парижа в Швейцарию, поэтому постарался расширить секретную агентуру в тех городах, где наблюдался приток русской эмиграции. Тем не менее, несмотря на проявленное усердие, Ратаев не сумел приобрести тот круг знакомств, который имел Рачковский.

Ратаев работал в Департаменте полиции почти с его основания, он участвовал в вербовке Азефа, через его руки прошла вся центральная секретная агентура. Благодаря Азефу Ратаев знал обо всем, что происходило в рядах социалистов-революционеров и других партий. По этой части у Ратаева складывалось все благополучно, и он занялся реорганизацией сыскных групп в Европе. Ему удалось подчинить себе почти все самостоятельные центры русской полиции на Балканах, в Галиции, Силезии, Прусской Познани и Берлине. Зарубежная агентура под управлением Ратаева работала вполне удовлетворительно.

Но в 1904 г. произошло убийство министра внутренних дел Плеве, в 1905 г. – убийство генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича, вслед за этим увольнение директора Департамента полиции Лопухина. За этими событиями последовало назначение Рачковского чиновником особых поручений Министерства внутренних дел, а затем вице-директором Департамента полиции по политической части. Все преобразования Ратаева, по мнению Рачковского, сразу оказались вредными и ошибочными, подлежащими немедленной отмене. Его пребывание на посту руководителя Заграничной агентуры закончилось 1 августа 1905 г. увольнением в отставку без объявления причин.

В августе 1905 г. место Ратаева занял А. М. Гартинг, бывший провокатор. Еще в годы студенчества, во время учебы в Петербургском горном институте, он стал секретным сотрудником С.-Петербургского охранного отделения по освещению студенческого движения. Тогда он носил фамилию Геккельман. В эмиграции он живет уже под новой фамилией – Ландезен (уехал в Швейцарию в 1884 г.). Там он знакомится с Рачковским и становится его сотрудником. В это время он снова меняет фамилию, принимает православие и сотрудничает с Рачковским уже как Гартинг Аркадий Михайлович. Между Рачковским и Гартингом

устанавливается полное взаимопонимание. Вскоре он становится ближайшим помощником Рачковского, его правой рукой.

Он оказал неоценимую услугу начинающему Рачковскому постановкой внутреннего наблюдения в Париже и серией наглых провокаций во Франции и Швейцарии.

Период руководства Заграничной агентурой Гартингом был временем, когда политическая эмиграция увеличилась за счет отъезда за рубеж большого числа деятелей как социал-демократического, так и эсеровского движения. Все съезды, конференции, совещания освещались как секретной агентурой, выезжавшей в качестве делегатов, так и заграничной секретной агентурой и службой наружного наблюдения. О том, как удавалось заграничной агентуре доставать партийные документы, может свидетельствовать эпизод из истории V съезда РСДРП, проходившего в апреле – мае 1907 г. в Лондоне.

В списке делегатов значился секретный сотрудник Заграничной агентуры Я. А. Житомирский. Он был избран в протокольную часть съезда. О первых днях съезда он информировал Гартинга. Съезд открылся 30 апреля, а 4 мая заведующий Заграничной агентурой Гартинг уже дает в Департамент первое сообщение о съезде и пишет о необходимости выезда его самого в Лондон для помощи агентуре. Съезд закончил свою работу 19 мая, а 26 мая Гартинг представляет в Департамент полиции подробный отчет на 100 страницах о V съезде РСДРП, описывая организацию, открытие съезда, останавливаясь на работе каждого дня, дает характеристику выступавшим, коротко излагая содержание выступлений. К отчету прилагался список членов ЦК, кандидатов в члены ЦК на случай провала, список установленных участников съезда (163 человека), финансовый отчет ЦК, отчет об издательской деятельности ЦК и даже секретный отчет о расходовании полученных от Саввы Морозова 100 тыс. рублей, а также принятые съездом и отклоненные рекомендации. Направляя эти материалы, Гартинг писал, что отчет составлен сотрудником, который много сделал в период проведения съезда и попросил для него награду в размере 1500 рублей. Не приходится сомневаться, этим сотрудником являлся Житомирский, который,

имея доступ ко всем документам съезда, после его окончания в течение одной ночи скопировал все документы.

Серия разоблачений секретной агентуры, проведенных Бурцевым, задела и работников заграничной охраны. В начале 1909 г. В. Л. Бурцев, ознакомившись с документами, предоставленными ему бывшим сотрудником Особого отдела Департамента полиции Л. П. Меньшиковым, напечатал во французских газетах статьи с неопровержимыми доказательствами провокаторского прошлого главы российского политического сыска в Европе. Бурцев легко убедил читателей, что эмигрант Геккельман-Ландзен, разоблаченный провокатор, приговоренный в 1890 г. французским судом к пяти годам тюремного заключения за подстрекательство, и Гартинг – одно лицо.

Это разоблачение вызвало большой шум в российской и зарубежной прессе. Во французском парламенте разразился скандал. Клемансо на запрос социалистов ответил, что во Франции нет иностранной полиции. Заграничная охранка перешла на нелегальное положение, и ей пришлось действовать осторожнее.

После разоблачения Гартинга в Париж поздней осенью 1909 г. прибыл статский советник А. А. Красильников. Его приезд Департамент полиции завуалировал официальным поручением Министерства иностранных дел осуществлять связь с местными властями и консульскими чиновниками. Формально Красильников Заграничной агентурой не руководил и сумел вести дело так, чтобы деяния политической полиции не всплыли наружу. Улеглись страсти, о Гартинге и обещании Клемансо перестали вспоминать, но руководителя заграничной охраны шантажировали сами агенты. Под угрозой разоблачительного скандала они требовали денежных прибавок. Для их усмирения приходилось прибегать к помощи префекта парижской полиции.

Понимая, что факт существования русской политической полиции во Франции может в любой момент быть предан огласке, Красильников решил замаскировать Заграничную агентуру вывеской «Справочного бюро "Биттер-Монен"», принадлежавшего французскому гражданину. Агенты наружного и внутреннего наблюдения русского политического сыска фор-

мально числились служащими «Биттер-Монена», а жалованье им исправно платил Департамент полиции.

Камуфляж охраны под фирму «Биттер-Монен» не уменьшил беспокойства Красильникова. Все недовольные, недобросовестные и ленивые агенты, получив нагоняй от своих фактических хозяев, обращались либо к эмигранту В. Л. Бурцеву и предлагали купить имевшиеся в их распоряжении документы русского политического сыска, либо, если у него не было требуемых денег, обращались в газеты. Красильников в ожидании новых разоблачений предложил Департаменту полиции отказаться от услуг «Биттер-Монена» и открыть «частное бюро» во главе со старейшим агентом заграничного сыска, проработавшим в нем тридцать два года, Генрихом Бинтом и старшим агентом Самбенем. Из тридцати восьми сотрудников «Биттер-Монена» он отобрал для перевода в «частное бюро» четырнадцать лучших филеров. «Частное сыскное бюро» приступило к работе в 1912 г. и сразу же столкнулось с неожиданной трудностью: Бурцев, сумевший завербовать нескольких бывших сыщиков, оказался существенной помехой для русской агентуры. Он организовал своего рода контрразведку, действовавшую достаточно эффективно. Вместе с Л. П. Меньшиковым и бывшим сотрудником Варшавской охраны М. Е. Бакаем Бурцеву удалось разоблачить Азефа, Гартинга, Жученко и многих других провокаторов. Бурцев представлял ощутимую угрозу для заграничной охраны. Красильников вздохнул с облегчением лишь осенью 1914 г., когда Бурцев выехал в Россию.

Энергия Красильникова тратилась больше на борьбу с Бурцевым, чем на поиск сведений о русских эмигрантах, число которых постоянно увеличивалось, а искусство их конспирации непрерывно совершенствовалось. Красильникову было труднее работать, чем его предшественникам, еще и потому, что в его распоряжении не оказалось ни одного крупного провокатора, какими располагали Рачковский, Ратаев и Гартинг, все они были разоблачены Бурцевым и его помощниками. Для проверки информации, поступающей от Красильникова, Департамент полиции и охранные отделения империи регулярно посылали за границу своих секретных сотрудников. Этим занимались Цент-

ральный отряд Петербургского охранного отделения, Московское охранное отделение, Особый отдел Департамента полиции, Дворцовая охрана и другие охранные отделения. По результатам их деятельности начальник Особого отдела Департамента полиции жандармский генерал А. М. Еремин составлял обширные доклады, многое в которых не совпадало с депешами Красильникова. Лишь после революции выяснилось, что сведения, доставляемые Красильниковым, были точнее.

С началом Первой мировой войны по распоряжению Департамента полиции Красильников реорганизовал Заграничную агентуру, направив ее на шпионаж, контрразведку и доставку секретных сведений из европейских стран, отрезанных от России фронтом.

После отречения Николая II от престола Красильников распустил своих сослуживцев, запер и опечатал в присутствии посла в Париже А. П. Извольского помещение в первом этаже русского консульства в Париже, занимаемое Заграничной агентурой. Так она завершила свое существование.

Лекция III. Основные направления деятельности органов политического сыска

1. Перлюстрация

Среди методов борьбы политической полиции с революционным движением в России далеко не последнее место занимала перлюстрация. **Перлюстрация** – это тайное вскрытие частной корреспонденции, копирование письма или его части. Она являлась важной частью розыскной деятельности полиции, служила источником информации о деятельности революционных организаций, настроениях среди населения, в различных общественных и политических кругах.

Начало расцвета перлюстрации в России следует отнести к тридцатым годам XIX в., когда главноуправляющим III Отделением и шефом жандармов был генерал-адъютант граф А. Х. Бенкендорф. III Отделение, руководившее политическим сыском в империи, давало указания почтовым чиновникам, чью именно корреспонденцию надлежит просматривать и какие вы-

писки из нее делать. Письма декабристов, петрашевцев и других государственных преступников просматривались в III Отделении или Министерстве внутренних дел.

Посредством перлюстрации правительство стремилось выяснить политические настроения в стране, предупредить возможность волнений, вести наблюдение за настроением в высших сферах.

В 1880 г., в период реорганизации политического сыска в России и создания Департамента полиции, особое внимание было уделено перлюстрации. В это время в стране учреждается 7 перлюстрационных пунктов: в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Тифлисе, Варшаве. Впоследствии такие пункты открывались и в других городах: Вильно, Риге, Томске, Нижнем Новгороде, Казани. Но действовали они очень короткое время.

Перлюстрационные пункты создавались на почтамтах при отделах цензуры иностранных газет и журналов и вошли в историю под названием «черных кабинетов». Общее руководство всей перлюстрационной работой в России осуществлялось через старшего цензора Петербургского почтамта, который именовался исправляющим должность помощника начальника Главного управления почт и телеграфов. Отделы цензуры на местах непосредственно подчинялись ему. Старший цензор, в свою очередь, был в подчинении министра внутренних дел, от которого получал распоряжения и санкции на проведение работ по перлюстрации. Через старшего цензора шла оплата работы перлюстрационных пунктов.

Перлюстрация корреспонденции держалась государством в строжайшей тайне, так как это было незаконно. Ряд статей Уложения о наказаниях предусматривал кару за нарушение почтового Устава: от 4 месяцев тюремного заключения до ссылки с лишением всех особых прав. Именно по причине секретности ни Министерством внутренних дел, ни старшим цензором не было издано никаких письменных циркуляров и правил о ведении этой работы. В то же время существовало негласное распоряжение об уничтожении всей переписки и всех материалов перлюстрационных пунктов на случай народных волнений. Этим объясняется, что много документов погибло в 1905 г. и почти все

материалы перлюстрационных пунктов на местах были уничтожены в период Февральской революции.

Переписка перлюстрационных пунктов со старшим цензором тщательно конспирировалась. Более 30 лет (до ухода в отставку в 1914 г.) эту должность исполнял действительный тайный советник Фомин, затем его заменил на этом посту тайный советник Мардарьев. В переписке с Департаментом они пользовались псевдонимом, и направляемые им письма шли на имя «Его превосходительства С. В. Соколова», что означало, что переписка предназначается для отдела цензуры.

Конспиративно обставлялась работа и в самой цензуре иностранных газет и журналов. С особой тщательностью подбирался состав служащих. Это были люди проверенные, «безгранично преданные» престолу. Они давали подписку о неразглашении тайны. Многие из них были высокообразованными людьми, владевшими европейскими и азиатскими языками, имелись даже выдающиеся лингвисты-полиглоты, свободно говорившие на 15–20, а один даже на 26 языках.

Наиболее образованными были сотрудники перлюстрационного пункта в Петербурге. Среди них были люди почтенные, служившие, кроме цензуры, в других учреждениях: Министерстве иностранных дел, банке, университете. Часть сотрудников цензуры занималась своими прямыми обязанностями – цензурой иностранных газет и журналов, а часть – перлюстрацией частных писем.

Более всего сохранилось сведений об устройстве «секретной части» цензуры Петербургского отделения. Войти в «черный кабинет» можно было только через кабинет-канцелярию старшего цензора. Причем сам вход в «черный кабинет» был замаскирован большим желтым шкафом. В этот шкаф входили сотрудники и оказывались в комнате, где находился перлюстрационный кабинет и куда особым лифтом-подъемником поднималась отобранная почтовыми чиновниками для просмотра корреспонденция.

По всей России непосредственно перлюстрацией занималось от 40 до 50 человек. И было еще около 30 помощников – почтовых работников, которые принимали участие в отборе писем из основного массива, поступающего на почтамт. Туда, где не было перлюстрационных пунктов, а необходимость в них

была, из Петербурга командировались чиновники. Но чаще местные губернские жандармские управления находили возможность договориться с узким кругом почтовых чиновников и проводили перлюстрацию сами.

Отбор писем для вскрытия шел по двум спискам, которые были у работников почтового ведомства. **Первый список** Особого отдела Департамента полиции содержал фамилии и адреса лиц, письма которых подлежали просмотру. Кроме того, перлюстрировались письма, «освещавшие» деятельность съездов противоправительственных организаций, конференций, их подготовку, проведение, деятельность основного партийного состава и членов организаций.

Второй список представлялся министром внутренних дел. По этому списку шел просмотр и снятие копий с писем общественных и политических деятелей, редакторов газет, профессоров, преподавателей высшей школы, членов Государственного совета и Государственной думы, членов семьи Романовых. Перлюстрации порой подвергались письма великих князей, в частности письма великого князя Михаила Александровича, жаловалась на вскрытие писем вдовствующая императрица Мария Федоровна. Не подлежали перлюстрации только письма самого министра внутренних дел, пока он находился на этом посту, и императора.

Списки министра внутренних дел и Департамента рассылались во все отделения цензуры. По сведениям за 1904 г., по списку Департамента полиции проходило 1000 адресов, за которыми велось наблюдение. Среди них адреса В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, многих других деятелей социал-демократического движения, членов партии эсеров и т. д.

При отборе писем почтовые работники обращали внимание на полноту письма, условность адреса, подчеркивание, руководствовались просто «нюхом», выработанным многолетней практикой, умением распознать «интересный» почерк. Многие чиновники хорошо знали почерки крупных деятелей партий, технических секретарей.

Самый большой поток писем шел через Петербургский почтамт. Ежедневно здесь вскрывалось от 2000 до 3000 писем. Выписок и копий делалось значительно меньше – 20–30.

Сам процесс вскрытия производился почти до начала XX в. с помощью небольшого костяного ножика, которым подрезывался удобный для вскрытия клапан письма; затем вскрытие писем стало производиться паром. Для этого имелась своеобразная металлическая посуда, из которой через небольшое отверстие вверху бил горячей струей пар. Перлюстратор, держа в левой руке письмо над отверстием сосуда так, что струя пара расплавляла клей, правой рукою с помощью длинной и толстой булавки (как для дамских шляп) отгибал тот из четырех клапанов письма, который представлял меньше затруднений для отклейки. Если письмо было запечатано большой печатью, так что нельзя было подрезать края печати, не испортив ее самой, то до ее вскрытия приходилось приготовить печатку, чтобы ею, после прочтения и заделки, вновь запечатать письмо.

Для вскрытия писем, на которых была восковая печать, использовался пар или горячая проволока, с помощью которых она снималась. Начальник киевского «черного кабинета» Карл Зиверт изобрел устройство, которое полностью исключало возможность случайной поломки или обгорания печати, свидетельствовавших о том, что конверт был распечатан. Это устройство представляло собой тонкую круглую отполированную палочку размером с вязальную спицу, расщепленную примерно до половины. Зиверт вводил палочку под клапан конверта, разрезом захватывал письмо, наматывал его на палочку и извлекал из конверта, не оставляя каких-либо видимых повреждений.

Методы работы «секретных» чиновников оставались неизменными на протяжении существования «черных кабинетов», лишь количество перлюстрированной корреспонденции с каждым годом увеличивалось. В петербургском «черном кабинете» один виртуоз вскрывал до пятисот писем в час, четыре чиновника их читали, два писаря снимали копии, один труженик изготавливал фальшивые печати, фотографировал письма, проявлял негативы и печатал снимки. За выдающиеся достижения в подделке печатей Николай II наградил этого чиновника орденом

Владимира 4-й степени «за полезные и применяемые на деле открытия». Весь штат «черного кабинета» в Петербурге вместе с Мардарьевым состоял из 12 человек (в Москве – 7, в других городах – от 2 до 5).

Если встречались письма с шифром, то они расшифровывались специалистом этого дела чиновником Департамента полиции И. А. Зыбиным, который в дешифровке дошел до виртуозности, и только в редких случаях ему не удавалось этого сделать. Зыбин считался единственным специалистом в этой области, и он даже читал лекции о шифровке и дешифровке на курсах для офицеров, поступающих в Отдельный корпус жандармов. Если имелся ключ к шифру, то письмо легко дешифровалось, многие ключи революционных организаций были получены при помощи провокаторов. Например, социал-демократы в качестве шифра использовали «Доклад Ленина», книгу Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе» (издание десятикопеечной «Универсальной библиотеки»), роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Чтобы перлюстрировать корреспонденцию с «химическим текстом», полицейским приходилось его «проявлять». Такие письма не могли продолжать свой почтовый путь, и адресат получал тщательно изготовленную копию. Для этого Департамент полиции наладил целое производство во главе с «мэтром» по части фальшивок В. Н. Зверевым. Никакие ухищрения, как царапины печати, заделка в сургуч волоса, нитки, бумажки, не гарантировали письма от вскрытия и абсолютно неузнаваемой подделки. Восстановление писем совершалось с необыкновенной точностью: бралось во внимание качество бумаги, ее размер, глянец, водяные знаки, чернила, умышленно сделанные точки и другие особенности письма. Подделанные письма через почтамт отсылались по назначению. На перлюстрацию такого письма требовалось несколько больше времени. Особое совершенство требовалось при вскрытии дипломатической почты, из-за которой могли возникнуть международные скандалы.

Полицейские чиновники умудрялись просматривать письма даже политических эмигрантов. Это делалось путем подкупа

итальянских и французских мелких почтовых служащих агентами русской Заграничной агентуры.

Письма задерживались в «черном кабинете» недолго – час – два. Письма с интересными сведениями откладывались для снятия копий. Копии или выписки из писем делались в 2-х экземплярах. Один экземпляр по списку Департамента полиции отправлялся директору Департамента полиции, а второй и оба экземпляра по списку МВД шли министру. В исключительных случаях дубликаты выписок представлялись императору, а иногда, исходя из сведений, изложенных в их тексте, с выписками знакомился только монарх.

Просмотренные письма запечатывались, а с обратной стороны, в одном из уголков, делалась точка – условный знак (мушка), чтобы это письмо не подвергалось вторичной перлюстрации.

На местах, в других городах, перлюстрировалась только та корреспонденция, которая шла из этого города или в город, но не транзитная. Копии делались также в 2-х экземплярах, 1 экземпляр направлялся в Петербург на имя «Соколова».

Перлюстрационные пункты на местах с местными властями контактов не имели. Но когда в письмах имелись указания на то, что готовится какое-либо политическое событие, забастовка, экспроприация, делалась выписка и посылалась местному градоначальнику. Но опять-таки это делалось конспиративно. Например, в Московском отделении цензуры в таком случае делали выписку, заклеивали в конверт, делали надпись «Анненкову» и опускали в коммерческий ящик для градоначальства, который имелся на почтамте. «Анненков» был псевдоним.

По данным Департамента полиции, через цензуру проходило ежегодно по всей стране примерно 380 тыс. писем, из которых делалось от 8 тыс. до 10 тыс. выписок.

Следует отметить, что со временем, после 1905 г., как результат усиления конспиративности партийных организаций, возрастает количество шифрованных и химических писем.

В Департаменте полиции, куда, как уже указывалось, поступали материалы из «черного кабинета», шла дальнейшая разработка перлюстрации: регистрация, расшифровка, проявление химических текстов, размножение копий, переписка с

местными губернскими жандармскими управлениями, выяснение личностей, адресов и принятие мер.

Каждое письмо при перлюстрации получало свой номер. Простые и химические письма регистрировались отдельно: простые получали просто номер, к химическим прибавлялась буква «х». Фамилии, упоминаемые в письмах, заносили в карточный алфавит. Именные карточки составлялись на автора письма, получателя, на все имена и фамилии, упоминаемые в письме. Так подробно расписывали только письма революционных деятелей. Что касается писем государственных и общественных деятелей, то они проходили такую обработку лишь в случаях, когда была соответствующая резолюция министра. Их, как правило, не регистрировали, подшивали в отдельные дела, которые формировали по хронологии.

Вся поступавшая перлюстрация сосредоточивалась в V отделении Особого отдела Департамента полиции, откуда после первичной разработки и копирования материалы шли в другие отделения Особого отдела, где шла разработка материалов по партиям. Копии писем, касавшихся деятельности партии эсеров, анархистов, террористических организаций, шли во II отделение Особого отдела, социал-демократических организаций – в III отделение, национальных – в четвертое. Здесь шла дальнейшая разработка этой переписки, но уже розыскного плана, на основании сведений, получаемых из писем. Устанавливали адреса и людей, опираясь на такие детали, как уменьшительное имя, одна буква или описание внешности.

Для выяснения необходимых данных копии посылали в соответствующие охранные отделения и губернские жандармские управления.

Тематика перлюстрированных писем была чрезвычайно разнообразна. В письмах революционеров, сановников, либералов, черносотенцев можно увидеть характеристику эпохи, отношение различных слоев общества к тем или иным мероприятиям правительства, событиям политической жизни. Диапазон мнений, отраженных в письмах, очень широк. Основная масса перлюстрированных писем связана с вопросами рабочего, профессионального, крестьянского, студенческого движения на раз-

личных этапах, с положением в городе и деревне, настроениями в армии и на флоте. Большое количество документов связано с деятельностью различных революционных партий и организаций, перепиской их с центром, получением директив центра, информацией о положении на местах, партийной печатью и ее распространением.

Перлюстрация частной корреспонденции играла очень важную роль в политическом сыске. Сведения, полученные в результате знакомства с содержанием некоторых писем, не только позволяли полиции обезвреживать деятельность революционеров, пресекая подготавливаемые террористические акты (путем арестов, уничтожения типографий, нахождения конспиративных квартир, мест хранения динамита и мн. др.), но и служили источником выявления настроений в обществе.

Если рассматривать перлюстрацию с этической точки зрения, то это было совершенно недопустимым явлением, за которое несло ответственность правительство, таким образом вмешиваясь во внутренний мир адресата, даже если оно считало, что делает это во благо общества.

2. Наружное наблюдение

Служба наружного наблюдения была создана задолго до организации Департамента полиции. Она состояла в основном из **филеров-агентов**, которые осуществляли слежку за неблагонадежными лицами. Филеры имелись при учреждениях как уголовного, так и политического сыска. Однако с ростом революционного движения, созданием нелегальных политических партий подобного рода разобщенность уже не могла устроить полицейские власти. Первой попыткой укрепления службы наружного наблюдения и ее централизации было создание в 1894 г. при Московском охранном отделении **Летучего отряда филеров**. При реорганизации в 1902 г. системы политического сыска отряд был расформирован, основная часть личного состава была распределена по новым розыскным пунктам, а часть квалифицированных сотрудников вошла в состав отряда, образованного при Департаменте полиции. В 1911 г. Летучий отряд переименовали в **Центральный филерский отряд**. Он дейст-

вовал на всей территории России и даже за границей – в Швейцарии, Италии и Франции.

Отряд был создан для более успешной борьбы с «неблагонадежным элементом» и «тайными организациями» в империи. К 1903 г. Летучий отряд насчитывал более 20 филеров. Департамент полиции командировал Летучий отряд в различные губернии для наблюдения за «революционным элементом». На его содержание расходовалось почти 38 тыс. рублей в год (зарплата, проездные, суточные, квартирные).

В октябре 1902 г. была разработана **«Инструкция филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений»**. Она состояла из 21 пункта и авторами ее были С. В. Зубатов и Е. П. Медников. Ею пользовались вплоть до 1907 г., когда она была заменена двумя новыми инструкциями. Инструкция подробно поясняла, каких людей нужно привлекать в филеры, что они должны знать и делать.

При найме на службу в филеры инструкция решительное предпочтение отдавала отставным унтер-офицерам и ушедшим в запас солдатам не старше 30 лет. В первую очередь внимание обращалось на умственное развитие. Кроме того, они должны были быть преданны самодержавию, желательны православные и ни в коем случае не польской или еврейской национальности. Среди необходимых качеств филеров перечислялись: благонадежность, честность, трезвость, ловкость, смелость, сообразительность, выносливость, терпеливость, настойчивость, осторожность, дисциплинированность, крепкое здоровье, особенно крепкие ноги, хорошее зрение, слух, память, неброская внешность.

Принимали в филеры с большой осторожностью. Если человек вызывал опасение или сомнение, его две недели держали при охранным отделении без поручений по наблюдению. На основании его общения со служащими старались узнать его характер. При всех достоинствах такие качества, как чрезмерная нежность к своей семье или слабость к женщинам, считались несовместимыми с филерской службой, поскольку вредно отражались на ней. Связано это было с тем, что работа была служебной тайной, о которой никто не должен был знать.

Политическое просвещение нанятого в охранку филера заключалось в разъяснении, «что такое государственный преступник», «что такое революционер», «несостоятельность учения революционных партий». Затем зачисленного в агенты приводили к присяге «на верность службе». Только после этого он приступал к учебе по специальности.

Обучение новичков начиналось с работы с приметами. Чтобы избежать беспорядочного изложения примет (вроде «шатен, в резиновой накидке, среднего роста, с бородой, в руках палка, лет 27, носит пенсне, худощав»), устанавливался порядок, согласно которому сначала указывался пол объекта наблюдения, потом его возраст, рост, телосложение, цвет волос и национальность; физические приметы и описание одежды должны были перечисляться сверху вниз: длина и волнистость волос, лоб, брови, глаза, нос, усы, губы, подбородок и в самом конце – особые приметы (сутулость, хромота, беременность и т. п.), а в одежде – головной убор, верхнее платье, брюки (юбка), обувь и особые приметы (пенсне, очки, трость, зонт, муфта, сумка).

Для облегчения запоминания стажерам предлагались таблицы, в том числе и с изображением типов ушей, носов, губ и т. п. При описании примет требовалось использовать единую терминологию. Например: брюнет, шатен, блондин, рыжий, седой, не допускалось употребление слов «каштановый», «темно-русый»; рост должен был обозначаться словами «высокий», «средний» и «малый», но не «большой», «низкий» и пр.

Филеры должны были не только иметь навыки установки лиц по приметам, но и быть подготовленными теоретически: должны быть знакомы с организацией революционных партий, установкой личности по приметам, отличиями форменной одежды служащих и учащихся, способами конспирации наблюдаемых, способами наблюдения при различной обстановке, установления квартиры, куда входит наблюдаемый, способами задержания при различных обстоятельствах.

На следующем этапе обучения преподаватель вызывал одного из стажеров на середину классной комнаты и предлагал остальным дать описание его примет в письменном виде – и так всех по очереди. После некоторой практики он приступал к

следующему этапу: вызывались два стажера, и одному из них предлагалось дать описание другого, в то время как весь класс должен был найти и указать сделанные при описании ошибки. Затем предлагалось составить описание какого-нибудь отсутствующего лица, то есть по памяти.

Завершали этот раздел учебы уроки по «взятию» лица по приметам. Использовались при этом следующие приемы: в соседнюю комнату вызывались 2–3 стажера, которым предлагалось описать одного из оставшихся в классе товарищей, потом эти описания зачитывались в классе, и одному из стажеров предлагалось решить, кому принадлежали описанные приметы. Задавание усложнялось: вниманию класса предлагались приметы кого-либо из отсутствующих в данный момент сотрудников отдела.

Классные занятия сменялись так называемой практической подготовкой в условиях города. Кто-то из опытных филеров играл роль объекта, а обучаемые следили за ним или «вели» его по улицам. После того как стажеры приучались ходить, «не напирая» на объект наблюдения, последнему приказывалось усложнять движение: замешиваться в толпу, садиться на речной пароход, трамвай, пользоваться проходными дворами, «черными» ходами и вообще пытаться уйти от наблюдения.

Поэтому филер должен был детально изучить город, его улицы и проходные дворы, трактиры, пивные, сады, время отхода и прихода поездов, маршруты трамваев, стоянки извозчиков, а также местонахождение фабрик, заводов, учебных заведений и другие необходимые сведения.

После каждого практического занятия устраивался его разбор, на котором комментировались действия каждого стажера. В ходе практических занятий в городе будущим филерам рассказывали, как по поведению объекта можно заранее предположить место его жительства, является ли он местным жителем или приезжим, была ли его встреча с другим лицом случайной или запланированной, определить тяжесть свертка, сумки или чемодана, до каких пределов можно продолжать слежку и когда ведомого можно бросить, как действовать в случае его потери. После уличной практики стажеров ставили в боевую слежку и за-

ставляли ходить за настоящими объектами – на первых порах под контролем опытного сотрудника наружного наблюдения.

И только после краткого экзамена и показа элементарных приемов наблюдения филера выпускали на службу, вначале в качестве помощника к более опытному и старому филеру.

Им выдавались специальные удостоверения с вымышленной фамилией-кличкой и фотографической карточкой владельца. В удостоверении должность филера называлась «агент наружного наблюдения».

Одеваться филер должен был согласуясь с условиями службы, т. е. так, как это принято в данной местности для жителей среднего достатка, не выделяясь своим костюмом в общей массе жителей.

В охранном отделении филер получал объект для наблюдения – поднадзорное лицо, которому он часто сам давал кличку. Кличка должна была быть краткой. Из одного слова, и притом такая, чтобы по ней можно было судить, относится она к мужчине или к женщине. Кличка должна характеризовать внешность наблюдаемого, его костюм или «выражать собой впечатление, которое производит данное лицо». Так, например, у В. В. Маяковского были клички «Высокий», «Блин», у Инессы Арманд кличка «Плоская», у эсерки Е. Леонтьевой – «Фиалка», у А. Ф. Керенского – «Скорый», у Рябушинского – «Кошелек», у Гр. Распутина – «Темный» и т. д.

Обычно филер, стоя на своем посту, ждал выхода нужного лица из его квартиры. Например, его кличка «Окунь», но вместе с ним выходят еще три человека. Филер дает им клички «Ерш», «Пескарь» и «Карась». Эта родственность кличек не случайна, так филеру удобнее и легче запомнить клички целой группы лиц, за которыми он должен следить. Благодаря этому лица, принадлежащие к одной и той же группе или профессиональному союзу, носили родственные клички. Так, например, члены профессионального союза булочников имели клички: «Жареный», «Пареный», «Сухарь» и т. д.

Случалось, что дежурный филер давал кличку лицу, уже имевшему ее от другого филера, но путаницы не возникало, так как либо отделение быстро разбиралось в ситуации и устанавли-

вало лицо, которому дали две клички, либо сами филеры исправляли свои ошибки при передаче взятого ими под наблюдение лица с рук на руки или на общем вечернем собрании филеров.

Филерам запрещалось входить в дома, приближаться к наблюдаемым объектам, вступать с ними в контакт. Филеры часами рыскали по городу, сутками на морозе простаивали в подворотнях, наблюдая за лицами, указанными им начальством, и обычно не знали, с какой целью производится слежка. Иногда они следили за своими агентами, иногда по несколько человек наблюдали за одним и тем же лицом, проверяя и перепроверя друг друга. Если надо было отлучиться с поста, то филера заменял его коллега. За некоторыми наиболее важными поднадзорными устанавливалось круглосуточное наблюдение филеров в 2–3 смены.

Как правило, филеры имели карманные альбомчики с фотографиями: небольшую книжку с листками из полотна, на которых были наклеены портреты, а под ним краткий перечень примет. В любой момент филер мог сличить, похоже ли наблюдаемое лицо на одно из имеющихся в его альбоме. В них особенно много было членов партии эсеров-максималистов, которые применяли террористические методы борьбы.

Филеры сообщали, куда и когда ходил объект наблюдения, с кем встречался, во что был одет, что брал с собою, при каких обстоятельствах исчез из-под наблюдения. При умелой постановке дела филеры доставляли ценные сведения для внутреннего наблюдения и, наоборот, проверяли информацию секретных агентов. Все увиденное в ходе слежки за подозрительным лицом филер заносил в **дневник наружного наблюдения**. Здесь описывалось все: где бывает поднадзорный, что делает, с кем встречается, приметы всех лиц, с которым он встречается. А для охранного отделения филер готовил отчет за день – **«филерский листок»**.

Ежедневные донесения филера подшивались в особую тетрадь, и сводка сведений из этой тетради, вместе с данными секретной агентуры, ложилась в основу «дела», которое заканчивалось «ликвидацией», т. е. арестом выслеживаемого лица.

Филерами были не только мужчины, но и женщины. Пути поступления их в охранное отделение были различными, но, как правило, они узнавали об этой службе или от мужей-филеров,

или знакомых лиц, служащих в полиции. Например, у Федоровой Прасковьи Ивановны муж был филером и погиб во время революции в 1905 г. По ходатайству Дубасова ей с сыном выплачивалась пенсия в 15 рублей в месяц. В 1912 г. она решила сама пойти на службу в охранку. Вместе с ней работали еще несколько женщин. В Московском охранном отделении были довольны их работой.

Филеры получали небольшую плату, колеблющуюся от 30 до 70 руб. в месяц (считая и деньги, выдаваемые на разъезды).

Чтобы не вызывать подозрения со стороны соседей, он числился либо служащим на железной дороге, либо приказчиком какой-нибудь торговой фирмы, чтобы частые его отлучки из дома были оправданы. В крайнем случае он выдавал себя за городского или стражника. Указанных должностей он не выполнял и прикомандировывался к охранному отделению или жандармскому управлению.

На службе филеры часто выступали под видом торговцев, коробейников, извозчиков. Наиболее опытные из них по своей способности к конспирации, умению найти выход из казавшихся безвыходными положений не уступали профессиональным революционерам.

Говоря о филерах, нельзя не сказать и об Евстратии Павловиче Медникове, заведующем наружным наблюдением в Московском охранном отделении. Именно он играл ключевую роль как в руководстве этой службой в Департаменте полиции, так и в выработке основных методов наблюдения, подготовки и обучения филерских кадров.

В отличие от других полицейских чинов высшего ранга, Медников был выходцем из простой крестьянской семьи Ярославской губернии, Рыбинского уезда. Родился он в 1853 г., закончил церковно-приходскую школу и в 1878 г. был взят на военную службу. Через три года, по семейным обстоятельствам, в чине старшего унтер-офицера он был уволен в запас. И тогда же, в 1881 г., зачислен сверхштатным околоточным надзирателем полицейского резерва Московской городской полиции. Отсюда его откомандировали в только что созданное охранное отделение на должность филера.

В 1888 г. он был официально назначен заведующим наблюдательным составом московской охраны, хотя практически уже давно руководил им.

В результате деятельности филерской службы под руководством Медникова были сорваны многие подготовленные революционерами акции. При наблюдении выслеживались члены организаций, лица, проживающие нелегально, бежавшие с места ссылки. Затем следовали аресты членов партийных организаций, кружков, нелегальных типографий. Медников лично посещал места наблюдения, организовывал операцию сообразно местным условиям, умело руководил розыском, так что филерам почти без участия секретной агентуры удавалось установить место расположения типографии, кружка.

Так, в 1887 г. Медников и его филеры выследили и провалили в Саратове местные революционные кружки. В октябре 1890 г. он и его сотрудники выследили в Костроме Михаила Васильевича Сабунаева – крупного представителя народовольческой организации. Вскоре он сам и группа укрывавших его лиц были арестованы.

В 1894 г. Медников принимает активное участие в создании при Департаменте полиции Летучего отряда филеров, а затем и руководит им. Одновременно он остается руководителем московских филеров.

В ходе долгой работы в Департаменте полиции Медников вырабатывает методы и приемы наблюдения, получившие неофициальное название «Евстраткина школа».

Его методы и приемы наблюдения прошли проверку в самых неожиданных и сложных ситуациях. Он предпочитал иметь в числе филеров служащих из бывших солдат, прошедших жестокую военную выучку. Жандармский генерал А. И. Спиридович вспоминал, как каждый вечер, а порой уже и за полночь, Медников собирал у филеров отчеты и материалы по наблюдению. С нерадивых, оставивших свой пост, брал штрафы, наиболее усердных награждал. То, что происходило в филерской комнате, знали только Медников и его подчиненные. Там были награды, прибавка к жалованью, но там были и наказания и вычеты.

Е. П. Медников оказался первоклассным воспитателем, учитывавшим особенности психологии своих подопечных. Он тщательно продумывал все операции, заранее распределял роли, добивался того, чтобы филеры не терялись в самых неожиданных ситуациях, воспитывал в них сметку и самостоятельность в принятии решений. Его сыщики умели распознавать в толпе неизвестных им лиц, причастных к противоправительственным выступлениям, и почти никогда не ошибались.

Организуя службу наружного наблюдения, Медников завел в Московском охранном отделении извозчий двор. Комбинация конного наблюдения с пешим приносила ощутимые результаты. Филеры Медникова научились изображать мелких торговцев, лоточников, при необходимости могли прикинуться дурачками. Филерская служба нередко требовала риска, особенно когда велось наблюдение за боевиками и террористами. Именно на этот случай Медников подбирал людей с армейской выучкой, которую он стремился приспособить к условиям своей службы.

В апреле 1906 г. Медников вышел в отставку, занимался хозяйством в своем «имении». Умер Медников 2 декабря 1914 г.

В начале XX в. одного наружного наблюдения для обнаружения и ликвидации революционных организаций в период рабочих стачек и волнений студенчества стало недостаточно. Возрос опыт борьбы и конспирации революционных организаций. Органы сыска попадали во все более враждебное окружение, и не случайно в них самих стали распространяться упаднические, пессимистические настроения, стало все труднее вербовать новых людей и удерживать старые кадры. В условиях активизации революционных сил старые методы уже не срабатывали, новые так и не были выработаны. Практика показывала, что наиболее эффективным видом осведомления является внутренняя агентура в нелегальных организациях. Филерское наблюдение давало лишь внешние факты, не освещая внутренней жизни нелегальных организаций.

3. Секретная агентура

Использование секретной агентуры в общественном и революционном движении было одним из важнейших средств российской полиции в борьбе с теми, кто покушался на устои самодержавия. Политическая полиция придавала огромное значение приобретению, использованию и сохранению секретной агентуры. Однако по сравнению с организацией службы наружного наблюдения постановка службы внутреннего наблюдения отличалась значительно большей сложностью. Может быть, отчасти поэтому до возникновения массового революционного движения ведущее место в политическом сыске играли служба наружного наблюдения и перлюстрация.

Появление на рубеже веков, и особенно в период Первой русской революции, влиятельных политических партий, профсоюзов и других общественных организаций потребовало от полиции перенести акцент своей деятельности на службу внутреннего наблюдения.

К 1900 г. в России существовало 3 охранных отделения – Петербургское, Московское и Варшавское.

В каждом охранном отделении был свой агентурный отдел внутреннего наблюдения.

Агентурный отдел внутреннего наблюдения состоял из начальника, его помощника, жандармских офицеров и секретных сотрудников, занимавшихся внутренним наблюдением. Каждый офицер специализировался на одной из партий и имел по нескольку секретных сотрудников.

Все действия лиц, числившихся в агентурном отделе, регламентировались «Инструкцией по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях», утвержденной в 1907 г. и вновь выпущенной в 1914 г. Она была столь секретна, что штатные сотрудники агентурных отделов не имели права выносить ее за порог кабинета начальника охранного или жандармского отделения.

Инструкция учила приемам вербовки секретных сотрудников, продвижения завербованных агентов в руководство революционных партий путем «создания вакансий», то есть ареста сильных соперников, поведению офицеров с агентами, соблюдению

конспирации. Инструкция запрещала пользоваться услугами провокаторов, но все, причастные к политическому сыску, знали, что без них не обойтись, так как служба обязывала предотвращать противоправительственные деяния. Именно поэтому охранники крайне бережно относились к своим секретным агентам.

Вопрос о **провокаторах**, о провокационной деятельности секретной агентуры настолько сложен, что требует специальных изысканий. Отметим, что позиция Департамента полиции и Министерства внутренних дел по этому вопросу не оставалась неизменной, не было у них и единства взглядов по отношению к провокаторству.

Политическая полицейская провокация заключается в том, что полицейский агент, находящийся в рядах противоправительственного сообщества, информирует о деятельности сообщества полицейское начальство, разрабатывает с ним планы действий и в соответствии с этими планами подстрекает членов сообщества к противоправительственным поступкам.

Сотрудники политического сыска трактовали провокацию и действия провокатора иначе, чем понимаем их мы сейчас. На жандармском языке «провокатор» – это секретный сотрудник, участвующий в революционном движении, совершающий те или иные политические акты **без ведома и согласия** того розыскного учреждения, в котором служит. Именно в этой «тайности» по отношению к жандармам, в этом участии в революционной работе не из «государственных», а из «личных» видов и усматривала охранка «провокацию». Это выражалось, например, в том, что агенты принимали участие в тех или иных партийных действиях – в организации типографии, совершении террористических актов – и не ставили об этом в известность свое начальство в полиции. Агент Азеф так мог вести двойную игру, когда, говоря о подготовке крупных террористических покушений, например на царя или министра внутренних дел, замалчивал подготовку убийств более мелких государственных чинов. Делал он это для того, чтобы перестраховаться и с революционерами и с охранкой.

Единственный, кто пытался бороться с провокацией в Департаменте полиции, был товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский. Именно он прекратил провокаторскую дея-

тельность Малиновского, запретил вербовку учащихся средних учебных заведений в осведомители. Джунковский являлся исключением для политического сыска и царской администрации вообще.

В состав внутренней агентуры входили лица, или непосредственно состоящие в каких-либо революционных организациях, или косвенно осведомленные о внутренней деятельности и жизни хотя бы даже отдельных членов этих организаций. Такие лица, входящие в постоянный состав секретной агентуры, назывались **«агентами внутреннего наблюдения»**. Агенты, состоящие в революционной организации или непосредственно и тесно связанные с членами организаций, именовались **«секретными сотрудниками»**, революционеры их называли **провокаторами**. Лица, не состоящие в организациях, но соприкасающиеся с ними, исполняющие различные поручения и доставляющие материал по партии, в отличие от первой категории, назывались **«вспомогательными сотрудниками»**, или **«осведомителями»**. Осведомители делились на **постоянных**, доставляющих сведения систематические, и **случайных**, доставляющих сведения случайные, маловажные, не имеющие взаимосвязи. В отличие от агентов, состоявших в противоправительственных сообществах (агентов внутреннего наблюдения), осведомители не принадлежали к обследуемой среде и вербовались из лиц, по роду своей основной службы находившихся в местах больших скоплений народа (дворники, лакеи, официанты, светские дамы, дипломаты, музыканты, офицеры, сановники). Среди них попадались люди серьезные и полезные для сыска. Осведомители, доставляющие сведения хотя бы и постоянно, но за плату, за каждое отдельное свое указание, назывались **«штучниками»**. Они были крайне нежелательны, так как их услуги очень быстро становились дорогими для розыскного органа.

Секретные агенты делились на департаментских, заграничных и местных. **Департаментская** агентура доставляла сведения о деятельности целой партии. В **Заграничную** агентуру входили агенты, «освещавшие» русскую революционную эмиграцию. Возвращаясь в Россию, они переходили в департаментскую агентуру и были чрезвычайно опасны для революционеров из-за

обширных связей и знания большого количества явок. **Местная** агентура находилась на службе в охранных отделениях и доносила о деятельности местных революционных групп. Приведенное разделение, установившееся в терминологии политического сыска, следует считать условным. Например, Азефом в разные периоды руководили сотрудники Особого отдела Департамента полиции, Заграничной агентуры, Московского и Петербургского охранных отделений.

Согласно инструкции офицеры агентурных отделов охранных отделений вербовали секретных сотрудников в кабаках, гостиницах, на постоялых дворах, среди фабричных рабочих, железнодорожников, учителей, студентов, проституток, воров. Но самым трудным и самым важным делом считалась вербовка лиц, состоявших в революционных партиях. Вербовать секретных сотрудников должен был опытный сотрудник охраны. В ходе бесед с арестованными по политическим преступлениям он, ознакомившись с такими лицами и наметив тех из них, которых можно склонить на свою сторону (слабохарактерные, недостаточно убежденные революционеры, считающие себя обиженными в организации, склонные к легкой наживе и т. п.), пытался завербовать их. Многие соглашались, чаще всего причиной был страх перед смертной казнью, каторгой, иногда шантаж, некоторые шли из обиды, мести, тщеславия и корысти.

В инструкции для служебного пользования начальникам охранных отделений указывалось, кого лучше всего вербовать. Например, тех, кто нуждался в деньгах или привык жить не по средствам (подкуп), из арестованных, кому грозит ссылка (обещание выгод). Можно было посадить в камеру к арестованному своего человека, который, прикинувшись товарищем по несчастью, убеждал бы пойти на сотрудничество с охранкой (обман). Иногда охранники привлекали к сотрудничеству тех, кто уже отошел от партийной работы, угрожая привлечь их к ответственности за прежние преступления (принуждение и шантаж).

Наиболее умелыми и удачливыми мастерами по приобретению секретных агентов считались инспектор столичной охраны Г. П. Судейкин и начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов. Они за чайным столом в непринуж-

денной обстановке вели неторопливые беседы с арестованными революционерами, предлагая им посредничество между правительством и партиями, осуждая действия правительственных чиновников и революционеров, доказывали собеседникам, что ищут компромиссов.

Никто, кроме заведующего розыском или его заместителя, не должен был знать в лицо никого из секретных агентов. Это касалось и фамилии агента, все остальные чины полиции, имеющие дело со сведениями агента, должны были знать только его псевдоним или номер. Чины наружного наблюдения и канцелярии не должны были знать секретного сотрудника и по кличке. Он им должен был быть известен лишь как действительный революционный деятель по кличке наружного наблюдения.

Офицеры агентурных отделов с завербованными или внедренными секретными сотрудниками встречались на конспиративных квартирах и получали от них устную или письменную информацию. Агентурные записки, составленные офицерами на основании сведений, полученных от агентов, передавались руководителям отделов и далее начальникам охранных отделений, а от них в виде обобщенных докладных записок поступали в Особый отдел Департамента полиции.

В каждой организации, как указывала инструкция, необходимо было иметь несколько секретных сотрудников, но таким образом, чтобы они не знали друг друга и чтобы поступающие от них сведения подвергались перекрестной проверке. Секретным сотрудникам вменялось в обязанность стремиться занять видное положение в той или иной организации.

Кроме того, секретные агенты должны были не только принимать активное участие во всех проявлениях революционной жизни, но и проводить определенную политическую линию, как требовал от них Департамент полиции. Например, бороться против объединения большевиков с меньшевиками. Среди секретных сотрудников Московского охранного отделения многие были одновременно активными и весьма влиятельными членами революционных организаций, главным образом социал-демократической. Ярким примером такого агента является Малиновский.

Показателем успешности действий агентуры считалось выяснение и уничтожение центров революционных организаций и полное прекращение «преступной работы» революционеров – работы типографий, изготовления бомб, агитации, пропаганды и т. д.

На содержание секретной агентуры, в том числе и весьма низкосортной, правительство в 1914 г. израсходовало 600 тыс. рублей. Деньги секретным сотрудникам и чиновникам Департамента полиции выдавались безотчетно, без расписок из секретных смет с пометой «на известное Его Императорскому Величеству употребление». Расписки брались лишь у ненадежных агентов, когда офицеры охраны хотели покрепче привязать их к себе. Назначение сумм и имена их получателей зависели от желания директора Департамента полиции и министра внутренних дел. Часть сумм, которые правительство выделяло Министерству внутренних дел, могла им расходоваться безотчетно и не подлежала оглашению.

Руководители политического сыска сами устанавливали жалованье агентам в зависимости от положения, занимаемого ими в противоположительном сообществе. Каждая ступенька в партийной иерархии, преодоленная агентом, сулила ему увеличение суммы вознаграждения, получаемого от Департамента полиции. Особенно крупные суммы получали агенты Заграничной агентуры. Я. А. Житомирский получал от 250 до 2500 марок, Л. Д. Бейтнер – до 750 рублей, Р. В. Малиновский – до 500 рублей. Но таких высокооплачиваемых агентов было не более трех десятков, около 50 человек получали плату в пределах 60–150 рублей. Остальные получали от трех до 60 рублей.

Огромные затраты на секретную агентуру приносили свои результаты. Специалисты считают, что перед Февральской революцией по Департаменту полиции числилось 10 тысяч секретных агентов. Исследователь Лурье приводил цифры 30–40 тыс. Но не следует забывать, что Азеф, Татаров, Дегаев, Жученко, Малиновский и многие другие нанесли сильнейшие удары русскому освободительному движению. Благодаря секретным агентам Департамент полиции имел достоверные сведения о работе съездов революционных организаций, совещаниях фракций этих партий в Государственной думе, соотношении сил внутри них,

настроениях эмиграции. От Департамента полиции далеко не всегда удавалось скрыть пути транспортировки нелегальной литературы, расположение типографий, динамитных мастерских.

Политический сыск империи вырос профессионально и укрепился, на него отпускались громадные средства, но против массового революционного движения он был бессилён.

Лекция IV. Деятели политического сыска и секретные агенты

1. Г. П. Судейкин и С. П. Дегаев

1 марта 1881 г. народовольцы после множества неудачных попыток привели в исполнение смертный приговор императору Александру II. Первое взрывное устройство, брошенное народовольцем Н. И. Рысаковым, искорежило царский экипаж, но царь остался жив. Рысакова тут же схватили, а монарх пересел в поданные ему сани. Но не успел он прийти в себя от первого взрыва, как наперерез царскому эскорту бросился второй бомбист – И. И. Гриневицкий. Раздался взрыв, от которого и Александр II, и второй метальщик получили смертельные ранения. Операцией руководила Софья Перовская.

Схваченный Рысаков, пытаясь сохранить себе жизнь, выдал жандармам всех известных ему участников-народовольцев. О многих из них полиция уже знала из показаний бывших членов партии «Народная воля» И. Ф. Складского и В. А. Меркулова. Благодаря их показаниям полиция арестовала практически всех, кто имел хоть какое-то касательство к организации «Народная воля». Для срочного ведения следствия сотрудников столичной политической полиции не хватало, и Петербург потребовал помощи от провинциальных коллег. Среди прибывшего подкрепления оказался жандармский капитан Судейкин.

Георгий Порфирьевич Судейкин (1850–1883) был из дворянской, но обедневшей семьи. С начала 1870-х гг. работал в Киевском жандармском управлении. Стал известен благодаря раскрытию в 1879 г. Киевской организации «Народная воля» и аресту ряда

деятелей народнического движения, таких как И. К. Дебагорий-Мокриевич, М. Р. Попов, Д. Т. Башуцкий, В. А. Осинский и др.

Он внедрил в группу народовольцев студентку Бабичеву, которая собрала в своей квартире на сходке практически весь цвет киевских народовольцев. Среди них присутствовал и террорист Осинский, который в это время находился в розыске. В результате налета жандармов несколько человек было убито и ранено. Личная храбрость, проявленная Судейкиным в этой операции, стала началом его стремительного продвижения по служебной лестнице. Он был повышен в звании и переведен в Санкт-Петербург. Свои методы, внедрение тайных агентов, применение нестандартных оперативных ходов, он использовал и на новом месте службы.

Приступив к своим обязанностям в Петербурге, Судейкин сумел завербовать народовольца Меркулова и работал с Окладским, ставшим полицейским агентом в октябре 1880 г.

В 1881 г. подполковник Судейкин стал начальником агентуры в Петербурге, охранного отделения и доверенным лицом В. К. Плеве и Д. А. Толстого. В 1882 г. занял специально для него учрежденный пост инспектора секретной полиции столичного охранного отделения. В его подчинении сосредоточилась полицейская агентура России. Политический сыск, руководимый им, охватывал теперь всю территорию империи. Арестованных по подозрению в совершении государственных преступлений присылали в столичную охранку к Судейкину из всех городов России.

Судейкин одним из первых начал внедрять новшества в политический сыск: запретил скоропалительный арест выслеженной жертвы, требовал не спеша, наблюдая за каждым ее движением, устанавливать весь круг знакомых и только потом арестовывать. Он подсаживал в соседние с народовольцами камеры предателей, и те, перестукиваясь с соседями, добывали у них информацию, называя себя фамилиями других революционеров, заранее изолированных. Судейкин первый начал вербовать агентов из революционеров, и, надо признаться, умело. Он предлагал сотрудничество всем и, как хороший психолог, умел найти подход практически к каждому, использовать слабости человека.

Именно при Судейкине провокация получила развитие и широкое применение, в рядах «Народной воли» действовали такие провокаторы, как С. П. Дегаев, И. Ф. Окладский и А. М. Гартинг.

Настоящей находкой для Судейкина стал Сергей Петрович Дегаев, отставной артиллерийский офицер. Входил в партию народолюбцев с 1878 г. Дегаева привлекли к организации кружков среди военных и пропаганде революционных идей. В 1880 г. по его инициативе были образованы народнические кружки в Михайловской артиллерийской академии и Константиновском военном училище.

После 1 марта 1881 г. последовали аресты членов «Народной воли», был схвачен и С. П. Дегаев. Не выдержав давления Судейкина, он согласился работать на него и вскоре был выпущен на свободу под залог в две тысячи рублей. С этого времени начинается его постепенное продвижение в руководство организации «Народная воля».

После разгрома центрального кружка «Народной воли», осенью 1882 г., единственная из оставшихся на свободе в России членов исполкома «Народной воли» В. Н. Фигнер передала Дегаеву все связи с провинциальными народолюбческими кружками, включая военную организацию партии. Фигнер поручила Дегаеву осуществлять связь между руководителями партии и военной организацией.

Многочисленные поездки Дегаева по России, Кавказу и Украине предпринимались им с целью установления личных контактов с периферийными группами революционной молодежи. В его распоряжении оказались сведения обо всех активных членах «Народной воли», действовавших на территории России. Введенный В. Н. Фигнер в состав руководства партии, Дегаев инспектировал работу периферийных кружков.

В начале 1883 г. В. Фигнер была арестована, успев перед этим передать Дегаеву все явки и полномочия. Он занял центральное положение в петербургской организации «Народная воля».

Судейкин, при помощи Дегаева, который теперь стоял во главе Исполкома, поставил партию «Народная воля» под свой полный контроль. Везде, где бывал Дегаев, после его отъезда

происходили аресты народовольцев. В начале 1883 г. в тюрьме оказался практически весь костяк партии (около 200 человек), среди них почти все члены военной организации «Народной воли» и руководители периферийных кружков. Дознания проводились более чем в 60 городах империи.

После фактического разгрома «Народной воли» Дегаев начинает понимать, что скоро, так или иначе, оставшиеся на свободе революционеры поймут, кто предатель, и решил опередить события. Он просит у Судейкина разрешения поехать в Париж, отдохнуть и разведать планы народовольцев, живущих в эмиграции. Получив разрешение, он приезжает в Женеву к Л. Тихомирову в марте 1883 г. и признается ему в предательстве. Так написано в воспоминаниях Тихомирова.

По другой версии, о предательстве Дегаева Тихомирову стало известно от народоволки Э. А. Тетельман (Серебряковой), которой один подвыпивший полицейский чиновник проболтался о том, что Дегаев – секретный агент. После этого Тетельман, опасаясь ареста, выехала за границу и рассказала о своих подозрениях Тихомирову, который потребовал объяснений у Дегаева, и тот ему во всем признался. Из воспоминаний Тетельман следует, что это произошло 14 сентября 1883 г.

Признавшись, Дегаев рассказал, что, по замыслу Судейкина, в самое ближайшее время он, Дегаев, должен сформировать собственный отряд террористов из наиболее отчаянных нелегалов. Их проще держать в узде, снабжать деньгами, документами, обеспечивать конспиративными квартирами. Об этой группе ни полиция, ни революционеры не должны были знать, связь должны были поддерживать только через Дегаева.

В это время Судейкин должен был уйти в отставку под благовидным предлогом. Этим предлогом должно было стать покушение на него и ранение. Как только Судейкин оставлял свою должность, Дегаев тут же начинал охотиться за политическими и государственными деятелями по заранее составленному списку.

Первым в нем значился министр внутренних дел граф Д. А. Толстой, за ним шел великий князь Владимир, остальные «жертвы террора» были менее значимы. После ряда терактов

Судейкин должен был вернуться на пост главы тайного сыска и потребовать «особых полномочий» для борьбы с террористами. В свою очередь, Дегаев, как автор большинства громких акций, стал бы главной фигурой в революционной среде и возглавил Исполнительный комитет. Вдвоем Судейкин и Дегаев должны были составить «тайное правительство», заправляющее всеми делами России, легальной и нелегальной.

После признания Дегаева Тихомиров потребовал от него немедленно прекратить сотрудничество с Судейкиным и организовать его убийство. Взамен Тихомиров обещал Дегаеву, что народовольцы позволят ему беспрепятственно скрыться при условии, что он никогда не станет участвовать в общественной жизни.

«Дегаев вернулся в Россию и в декабре 1883 г. снял квартиру в доме № 93 по Невскому проспекту. Вскоре на помощь ему из Киева прибыли народовольцы В. П. Конашевич и Н. П. Стародворский. В квартире Дегаева в роли его лакея осторожный Судейкин поселил штатного сотрудника Петербургского охранного отделения унтер-офицера П. И. Суворова.

Убийство произошло вечером 16 декабря 1883 г., когда Судейкин вместе со своим племянником, казначеем охранного отделения Н. Д. Судовским, прибыл на эту конспиративную квартиру. Там его уже ждали убийцы, вооруженные пистолетом и ломом. "Лакея" Суворова Дегаев заранее вывел из квартиры под благовидным предлогом. Сняв верхнюю одежду, в которой остались револьверы, гости прошли в квартиру, причем Судейкин неосмотрительно бросил на диван в столовой палку с вмонтированным в нее стилетом. Дегаев тут же выстрелил из револьвера Судейкину в спину и стремглав покинул квартиру, опасаясь, очевидно, что подельники могли убить и его.

По свидетельству судебно-медицинской экспертизы, огнестрельная рана оказалась смертельной, однако Судейкин сумел сделать несколько шагов в сторону прихожей, и Стародворский и Конашевич нанесли подполковнику еще несколько ударов ломом по голове. Судейкин, несмотря на свою недюжинную физическую силу, уже не мог оказать им какого-либо сопротивления, и они, в сущности, добивали полумертвого человека. Николаю Судовскому убийцы также нанесли несколько

ударов ломами, после чего оставили его умирать на полу в луже крови, но он, к счастью, выжил»²².

Конашевич и Стародворский вышли из дегаевской квартиры незамеченными. Конашевич уехал из Петербурга в тот же день, а Стародворский некоторое время потратил на печатание прокламации по случаю убийства Судейкина и лишь потом покинул столицу. Дегаев до вечера прятался на квартире одного из революционеров, затем беспрепятственно выбрался из столицы и навсегда оставил пределы Российской империи.

В газетах появились короткие сообщения о смерти и отпевании Судейкина. Позже столицу заклеили объявлениями с фотографиями Дегаева и сообщением о вознаграждении за его поимку.

Провокатора судили зимой 1884 г. в Париже. Суд состоял из В. А. Караулова, Г. А. Лопатина и Л. А. Тихомирова. Народовольцы выполнили обещание, данное Тихомировым. Дегаев с женой в присутствии Тихомирова сели на пароход, отходивший из Англии в Южную Америку. Постоянно меняя место жительства, Дегаевы из Южной Америки перебрались в США, где С. П. Дегаев сделал карьеру от грузчика до профессора математики. Умер он в 1920 г. в возрасте 66 лет.

Действия Судейкина и Дегаева привели к практически полному разгрому «Народной воли». Все попытки восстановить ее оказались безрезультатными.

2. А. В. Герасимов и Е. Ф. Азеф

Евно Азеф родился в 1869 г. в местечке Лысково Гродненской губернии в семье бедного портного Фишеля Азефа. В 1874 г. семья переехала в Ростов-на-Дону, где в 1890 г. Евно закончил гимназию. Перебивался мелкими заработками корректора и репортера. В начале 1892 г. на него пало подозрение в распространении одной революционной прокламации, возникла угроза ареста. Необходимо было скрыться, денег не было, и Азеф в качестве комиссионера взял у одного купца партию масла для

---

²² Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007. С. 240–241.

продажи, выручил за нее 800 рублей и уехал с ними весною 1892 г. в Германию, в Карлсруэ, где поступил в Политехникум.

В Карлсруэ уже тогда существовала небольшая колония русской учащейся молодежи. Среди них был ряд знакомых Азефа по Ростову. Он поселился на одной квартире с земляком Козиным и вошел в русский социал-демократический кружок студентов. В Политехникуме изучал электротехнику. 800 рублей надолго не хватило, нужны были деньги на пропитание, и Азеф решил выдать своих товарищей-студентов.

4 апреля 1893 г. он написал свое первое письмо в Департамент полиции, в котором говорил о кружке революционеров, указал ряд фамилий, но себя Азеф в письме не назвал. Письмо Азефа было доложено вице-директору Департамента. Ответили ему через месяц. В письме департамента полиции говорилось, что об этом кружке им известно, большого интереса он не представляет, но платить согласны, при условии, что он себя назовет.

Получив это письмо, 23-летний студент через три недели ответил, но вновь себя не назвал и потребовал присылки ему части его предыдущего письма, как подтверждение того, что он переписывается с сотрудником Департамента полиции. В этом же письме Азеф согласился поставлять нужные сведения при условии ежемесячного жалованья в размере 50 рублей. Но его попытка «темнить» в игре с Департаментом не вышла, т. к. по неопытности Азеф сам дал Департаменту нить для установления его личности. Одновременно с предложением в Департамент, почти аналогичное письмо он послал в жандармское управление родного Ростова, а там установить имя автора не представляло труда; имена ростовцев, живших в Карлсруэ, были известны; число их было весьма ограничено, и выяснить, кому именно принадлежит почерк, которым написано письмо из Карлсруэ, было легко. В результате к тому времени, когда второе письмо Азефа пришло в Департамент, там имелись соответствующие справки из Ростова, и его личность была установлена. Сведения ростовской полиции о личных свойствах Азефа вполне удовлетворяли тем требованиям, которые Департамент предъявлял к своим агентам, — неглупый, пронырливый, корыстолюбивый, имеющий обширные связи в среде эмигрантской молодежи. Пос-

ле столь лестной характеристики он был принят на «работу», которую прилежно выполнял, строча доносы на своих товарищей.

В 1894 г. Азеф женился на студентке Бернского университета Л. Г. Менкиной, входившей в «Союз русских социалистов-революционеров», основанный супругами Житловскими. Этот маленький кружок стал предтечей партии социалистов-революционеров.

Знакомство с Х. Житловским открыло Азефу двери во все кружки социалистов-революционеров. Он был знаком со всеми эмигрантами, придерживавшимися эсеровских взглядов. Доброе отношение Житловского и его рекомендации помогли Азефу приобрести известность в революционных кругах.

Вскоре после женитьбы Азеф с семьей перебрался в Дармштадт. Там в 1899 г. он завершил свое образование и, получив диплом Политехнического института по специальности инженера-электрика, поступил на работу в одну из берлинских фирм. Азеф хотел остаться в Германии и даже порвать со своей провокаторской деятельностью, но осенью 1899 г. получил предписание Департамента полиции с требованием о незамедлительном возвращении в Россию с повышением оклада до 100 рублей.

Начальник Особого отдела Департамента полиции Л. А. Ратаев предложил Азефу поселиться в Москве и для прикрытия поступить на службу во Всеобщую компанию электрического освещения. По основной своей специальности Азеф оказался в подчинении начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова, который ознакомил его с секретными инструкциями политической полиции, с тайнами политического сыска и тонкостями внутреннего наблюдения. У Е. П. Медникова Азеф прошел практику филерского мастерства. Зубатовская школа позволила Азефу блистать среди революционеров знанием полицейских приемов, а охране «раскрывать» замыслы эсеров, не бросая тени на своего агента, подстраховывая и прикрывая его действия.

Благодаря обширным знакомствам в среде русской эмиграции Азеф вступил в Северный союз социалистов-революционеров, основанный А. А. Аргуновым, и быстро завоевал его доверие. В конце 1900 г. Аргунов начал издавать газету союза «Революционная Россия», первые два номера которой были

отпечатаны в подпольной типографии в Финляндии. Одновременно он предпринимал усилия по объединению всех революционно-социалистических сил Российской империи в единую организацию. Это сразу привлекло внимание нового полицейского руководителя Азефа С. Зубатова.

Попытки создать единую революционную партию в России были неудачны, и потому организацию партии было решено перенести за границу. Азеф высказывал товарищам свои сомнения по поводу возможности создания единой революционной партии внутри России, что соответствовало инструкциям, полученным им от Департамента полиции.

Довести эту мысль до радикалов, убедить их в бессмысленности таких усилий – в этом и состояла конечная цель политики Зубатова. Для этого в первую очередь необходимо было разделаться с подпольной прессой союза, но так, чтобы не навлечь подозрений на Азефа. План Зубатова состоял в том, чтобы внушить революционерам мысль, будто их подпольная типография находится под постоянным полицейским наблюдением и вот-вот будет захвачена, с тем чтобы вынудить их перенести ее из Финляндии в другое место. Когда полиция буквально «повисла на хвосте» у революционеров, они размонтировали типографию и по частям вывезли ее в Сибирь, в окрестности Томска. Азеф тотчас доложил о ее местонахождении полиции, была установлена слежка. В сентябре 1901 г., когда революционеры готовили к выпуску третий номер «Революционной России», последовал приказ Зубатова о ликвидации типографии и аресте ее персонала.

Азеф получил за успешную ликвидацию типографии небывалый для секретного агента оклад – 500 рублей в месяц (с января 1900 г. он получал 150 рублей). К этому времени возросло доверие к нему и со стороны социалистов-революционеров. А. А. Аргунов, руководивший несколькими кружками эсеров на территории России, на случай ареста назвал Азефа своим преемником и сообщил ему пароли, шифры и все явочные квартиры. Стремясь сохранить ядро организации, Аргунов и его соратники решили переместить штаб за границу, посчитав, что

наилучшим представителем союза за рубежом будет Азеф, находящийся вне подозрений полиции.

В конце 1901 г. Азеф вновь покинул Россию, чтобы принять участие в создании партии социалистов-революционеров, которое завершилось в начале 1902 г.

В самом начале 1902 г. с целью подготовки и проведения покушений на крупных администраторов и членов царской семьи, включая Николая II, партия социалистов-революционеров образовала боевую организацию. В ее состав вошли Г. А. Гершуни, П. П. Крафт, М. М. Мельников, С. В. Балмашев и еще несколько человек. Удавшееся 2 апреля 1902 г. убийство министра внутренних дел, егермейстера Д. С. Сипягина воодушевило эсеров на развитие этой их деятельности.

В связи с этим В. К. Плеве, будущий министр внутренних дел, а тогда директор Департамента полиции, приказал Азефу проникнуть в партийный центр и в боевую организацию.

Постепенно Азеф сблизился с самыми выдающимися деятелями партии социалистов-революционеров. Среди них Виктор Чернов, главный теоретик и идеолог партии; организатор и практик Михаил Гоц, страдавший сильными болями в спине после травмы, полученной им на каторге в Сибири; «бабушка русской революции» Екатерина Брешко-Брешковская; Георгий Гершуни, лидер боевой организации.

Сам Гершуни никогда не принимал участия в боевых операциях. Он искал людей, пригодных на роль боевиков, отбирал из них тех, кто мог справиться с той или иной конкретной задачей, и инициировал сам террористический акт. Когда цель была выбрана и все подготовлено для решающего удара, Гершуни лично сопровождал террористов на место предполагаемого покушения, с тем чтобы подбодрить их и, если надо, отвести последние сомнения.

Боевая организация при Гершуни насчитывала не более 15 человек. Сам он играл роль главного координатора и был не только единственным связующим звеном между боевой организацией и Центральным комитетом партии, но и единственным, кто знал всех членов террористической группы.

Глава боевой организации не только доверял Азефу, но и поддерживал среди членов партии его репутацию. Исследователь Ф. Лурье считал, что именно поэтому Азеф долго скрывал Гершуни от Департамента полиции и сопротивлялся его выдаче. Уже тогда Азеф начал двойную игру со своим полицейским начальством. В противовес этой точке зрения исследователь Анна Гейфман высказала мнение, что Азеф, наоборот, подробно рассказывал о Гершуни полиции, но так как он не входил в тот период в боевую организацию, то и не знал о подготовке террористических операций. Таким образом, в это время у властей не было оснований жаловаться на своего агента. Азеф играл активную роль в партии эсеров и снабжал Департамент полиции важной информацией. Упущения и пробелы этой информации объяснялись тем, что благодаря осторожности Гершуни ни один человек не был в курсе всех готовящихся операций.

13 мая 1903 г. Гершуни был арестован. Арест лидера и ряда активных деятелей боевой организации привел к тому, что в июне 1903 г. организацию возглавляли Б. Савинков и Азеф. Савинков возглавлял практическую подготовку политических убийств, а Азеф координировал действия Савинкова и отдавал приказы. Они перестроили боевую организацию, обновили состав боевиков и разработали новые методы ведения террористической борьбы, уделяя особое внимание планированию операции и организации наблюдения за избранной жертвой, – в отличие от спонтанной, основанной на импровизациях тактики Гершуни. Для составления оптимального плана покушения необходимо было совершенно точно знать распорядок дня предполагаемой жертвы и маршруты ее возможных перемещений по городу. С этой целью за ней устанавливалось почти круглосуточное наблюдение: переодетые извозчиками, уличными торговцами, газетчиками и курьерами террористы часами выслеживали свой «объект». Во времена Гершуни главным орудием террористов был револьвер. Теперь предпочтение было отдано самодельным бомбам и различным взрывчатым устройствам, которые, несмотря на издержки (дорогое производство и возможность посторонних жертв), были более эффективны и существенно увеличивали шансы террористов на успех.

Встав во главе боевой организации, Азеф изменил тактику общения с полицейским департаментом. Уже с конца 1903 г. он начал утаивать информацию от своих начальников. В письмах в Департамент полиции Азеф не скрывал беспокойства по поводу своей безопасности, и страхи эти казались вполне оправданными, учитывая неосмотрительность и бесцеремонность, с какой полиция использовала добытые Азефом сведения. Она производила поспешные аресты, не задумываясь о том, что подобными действиями может скомпрометировать его среди революционеров. Он стал ограничивать свои отчеты общей информацией, давая приблизительные и туманные характеристики, предоставляя полиции самой устанавливать наблюдение за теми или иными лицами и т. д.

В конце 1903 г. боевая организация стала готовиться к покушению на министра внутренних дел В. К. Плеве. После длительной и опасной слежки эсеры определили маршруты и точное время передвижения Плеве по городу, количество охраны и состав группы филеров, наблюдавших за толпой во время следования кареты министра. Все было готово, но полиция, предупрежденная Азефом о якобы готовящемся на директора департамента Лопухина покушении, усилила охрану у здания Департамента и предупредила филеров об особом внимании к подозрительным лицам. Боевики почувствовали что-то неладное, взрыв произвести не удалось, и они срочно покинули столицу.

В начале мая 1904 г. группа боевиков вновь съехала в столицу. Савинков снял квартиру на ул. Жуковского, 31. В ней поселились он («англичанин Мак-Кулох»), его «сожительница» Д. В. Бриллиант, «лакей» Е. С. Сазонов и «кухарка» П. С. Ивановская. Они стали готовить покушение на министра внутренних дел Плеве.

Для уточнения плана действий в середине июня в конспиративной квартире появился Азеф и вскоре уехал в Вильно. Все шло своим чередом, но вдруг обитатели квартиры заметили явную слежку. Вскоре выяснилось, что наблюдение ведется не за ними (Сазонову по дружбе проболтался дворник), а за присяжным поверенным Трандафиловым, который жил с ними на одной лестнице и у которого находился склад нелегальной литературы.

15 июля 1904 г., когда министр внутренних дел ехал с докладом в Петергоф к царю, Сазонов, переодетый в форму железнодорожного рабочего, бросил бомбу в карету. Плеве погиб на месте. Осколками бомбы были убиты кучер и лошади. Егор Сазонов был ранен. Азеф в это время находился в Варшаве и с нетерпением ожидал известий из Петербурга. В момент покушения Азеф всегда находился далеко от места его совершения. Это давало провокатору дополнительное двойное алиби и исключало возможный арест неосведомленными службами политического сыска.

Это убийство принесло революционерам симпатию широкой публики. Появилось много желающих вступить в боевую организацию, а на ее деятельность отпускались любые суммы. Авторитет Азефа в партии возрос, а после убийства 4 февраля 1905 г. великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Москвы, он стал бесспорным лидером партии.

Его взаимоотношения с полицией в это время были сложными. В конце лета 1905 г. Азеф перестал получать ответы на свои письма, прекратились поступления жалованья, связь с Департаментом полиции пропала. Когда весной 1906 г. Герасимов перевербовал Азефа, он фактически ни в чьих агентах не состоял.

Вся жизнь Александра Васильевича Герасимова складывалась из сражений за карьеру. Он происходил из украинских казаков, закончил Черниговское пехотное юнкерское училище. Затем служил в запасных батальонах. Видя, что карьеры в армии ему не сделать, он решает перейти в Отдельный корпус жандармов. Благодаря Азефу Герасимов занимал в политическом сыске самое высокое положение. Он находился в прямых сношениях с министром внутренних дел П. А. Столыпиным, обсуждал с ним различные вопросы, предупреждал об опасности.

В самых высоких правительственных кругах и дворцовых гостиных сложилось твердое мнение, что Герасимов знает обо всех злоумышлениях террористов, что он предотвращает только те покушения, которые желает предотвратить, что он в состоянии с помощью эсеров расправиться с любым лицом, какое бы высокое положение оно ни занимало. Все охранные отделения империи фактически подчинялись Герасимову, их начальники

обсуждали с ним планы действий и сообщали ему, а не в Департамент полиции о результатах проделанных операций. Он сосредоточил в своих руках всю центральную внутреннюю агентуру.

В 1906–1908 гг. Азеф руководил подготовкой убийств царя, членов его семьи и крупных администраторов. Незначительные по его меркам покушения, например на провинциальных чиновников, он с боевой организацией доводил до конца. Важных государственных деятелей он вместе со своим руководителем Герасимовым спасал, предотвращая покушения. Занимая одно из лидирующих мест в партии, Азеф старательно доносил на противников по партии и конкурентов.

Первые сведения о провокаторской деятельности Азефа восходят к 1894 г., когда после арестов в Ростове-на-Дону подозрение пало на студента Азефа из русской колонии в Карлсруэ. В 1903 г. молодой эсер Крестьянинов открыто обвинил Азефа в предательстве, он располагал неопровержимыми доказательствами и потребовал открытого разбирательства. Авторитетная комиссия разобралась и поверила Азефу на слово. 26 августа 1905 г. член Петербургского комитета партии социалистов-революционеров Е. П. Ростковский получил письмо Меншикова, сообщавшее о провокаторской деятельности Н. Г. Татарова и Азефа. Но Ростковский отдал его Азефу. Письмо вместе с ним перекочевало в Москву, оттуда в Женеву и Париж и ни у кого не вызвало подозрений в отношении Азефа. Эсеровские лидеры приняли сообщение Меншикова за начало развития полицейской интриги, направленной против руководства партии. Они не могли, а главное, не желали верить в предательство члена ЦК и руководителя боевой организации.

В январе 1906 г. в Петербурге начал выходить журнал «Былое» – первый легальный журнал, посвященный истории освободительного движения в России. Его фактическими редакторами являлись участники революционного движения и одни из первых его историков В. Л. Богучарский, В. Л. Бурцев и П. Е. Щеголев. В последних числах мая 1906 г. с редакторами «Былого» начал сотрудничать чиновник особых поручений Варшавского охранного отделения М. Е. Бакай. Он рассказал Бур-

цеву, что почти все неудачи революционных предприятий связаны с провокатором «Раскиным», находящимся в партии эсеров.

Бурцев вскоре вычислил единственную фигуру, которая вызывала серьезные подозрения, – это был Азеф. В 1908 г., когда все улики были собраны и подозрения превратились в твердую уверенность, Бурцев открыл ЦК партии эсеров истинное лицо главы ее боевой организации. ЦК не поверил ему, посчитав все это наветами, и призвал разоблачителя на третейский суд. Более трех месяцев заседали пользовавшиеся авторитетом и уважением в революционной среде В. Фигнер, Г. Лопатин и П. Кропоткин. От партии были делегированы Б. Савинков, В. Чернов и М. Натансон. Азеф от присутствия на суде уклонился, наблюдая издали за тем, как суд над ним постепенно превращается в суд над его врагом. Перелом произошел тогда, когда Бурцев выложил на стол доказательства, добытые им у А. А. Лопухина, действительного статского советника, бывшего директора Департамента полиции, подтвердившего, что «Раскин» и Азеф – одно и то же лицо. Лопухин же представил Бурцеву и неопровержимые доказательства агентурной деятельности Азефа.

После этого Савинков, Чернов и боевик Панов явились к Азефу на его квартиру в Париже и устроили ему допрос. Азеф все отрицал. Ему дали срок до 12 часов следующего дня. Азеф не стал дожидаться нового прихода товарищей и бежал из Парижа 6 января 1909 г., а через несколько дней партия объявила его провокатором, было принято решение об убийстве Азефа, при условии его реализации не на территории Франции.

Вся Россия обсуждала его разоблачение. III Государственная дума 11 и 13 февраля 1909 г. рассматривала запрос депутатов о провокаторской деятельности Азефа. В ходе дебатов анализировались и другие случаи использования правительством полицейской провокации. На запросы депутатов отвечал министр внутренних дел П. А. Столыпин. Даже крайне правые депутаты не смогли и не пожелали его поддержать. Главный оправдательный мотив властей основывался на том, что они не знали о роли Азефа в партии социалистов-революционеров, не предполагали, что их агент – член ЦК и руководитель боевой организации, душа всех террористических

актов. Прямое начальство Азефа считало его талантливым, но обычным секретным агентом внутреннего наблюдения, не более, и уж никак не провокатором.

Сбежав, бывший агент, уже под новым именем Александра Неймайера, нанял в Берлине шестикомнатную квартиру и поселился в ней со своей любовницей, бывшей певицей одного из петербургских кафе-шантанов. Жил он безбедно. Его благополучие объяснялось просто – не считая сумм, полученных им из кассы партии, жалование секретного агента равнялось жалованью царского министра – четырнадцати тысячам рублей в год. К тому же он успешно играл на бирже и проделывал мелкие коммерческие операции. На имя своей подруги Азеф открыл модную мастерскую в центре Берлина.

Летом 1912 г. Бурцеву стал известен берлинский адрес Азефа. Владимир Львович послал ему письмо с предложением встретиться, гарантируя при этом сохранение тайны. Встревоженный Азеф тотчас съехал с квартиры, сдал обстановку на хранение в мебельное депо, написал завещание на имя любовницы и отправил ее к родителям в провинцию. Эти его действия свидетельствуют о желании принять доступные меры предосторожности. Азеф решил не уклоняться от встречи. Встреча состоялась 15 августа 1912 г. во Франкфурте, в кафе «Бристоль». Он пытался доказать что связь с полицией – это ошибка молодости, и он пытался искупить ее, убив царя, но Бурцев помешал ему это сделать. Азеф доказывал, что для революции он сделал больше, чем для полиции.

Возвратившись в Париж, Бурцев поспешил через газеты сообщить миру об историческом свидании.

12 июня 1915 г. у Азефа на квартире германская контрразведка произвела обыск и отправила его в тюрьму Моабит, как русского анархиста. Он и в тюрьме предлагал свои услуги германским властям.

Испанское посольство в Берлине, защищавшее во время войны интересы русских граждан в Германии, пыталось вызволить его из тюрьмы, но тщетно. Просидев два с половиной года в одиночной камере, он вышел на свободу лишь после Октябрьской революции, в декабре 1917 г. За годы войны Азеф

катастрофически разорился, в тюрьме сдало здоровье, обострилась болезнь почек. Он умер в Западной больнице в Берлине 24 апреля 1918 г. Через два дня его похоронили по второму разряду на кладбище в Вильмерсдорфе, юго-западном пригороде Берлина. Ни памятника, ни креста на могиле не установили из предосторожности, место обозначили кладбищенской табличкой с номером 446.

3. В. Ф. Джунковский и Р. В. Малиновский

Малиновский Роман Вацлавович родился в 1877 г., в обедневшей многодетной шляхетской семье. Семья жила в деревне Крубицы под Плоцком. В возрасте 14 лет остался сиротой. Получил домашнее образование и стал рабочим-токарем. Был трижды осужден за кражи со взломом. В 1901–1905 гг. служил рядовым лейб-гвардии Измайловского полка. После армии он оказался перед выбором: вернуться в Польшу или оставаться в Петербурге. Он предпочел остаться, возможно, по очень простой причине – здесь у него уже была невеста, Стефа, прислуга ротного командира. Через месяц после увольнения Романа из армии они обвенчались. Поступив на завод «Лангезипен», он быстро выдвинулся как активист рабочего движения.

В 1906 г. вступил в РСДРП, работал в петербургском профсоюзе металлистов. Становление союза металлистов и укрепление его организационной структуры проходило при самом деятельном участии Романа Малиновского – с июля 1906 г. секретаря Петербургского районного отделения, с ноября – общегородского, а с мая 1907 г. – секретаря центрального правления. Он отдавал союзу металлистов все свои силы и способности. Никто не мог лучше, чем он, воодушевить, заинтересовать, втянуть в работу новых людей, действуя в нелегких условиях наступавшей реакции и апатии рабочих. Его выступления производили впечатление убежденностью, ораторским искусством и в то же время основательной подготовленностью, о чем бы он ни говорил. Малиновский «был мастер на интриги и склоку, но умел всегда прикрываться видимостью фракционных и идейных разногласий». Но все же преобладало

мнение о Малиновском как о человеке талантливом, энергичном, волевым и темпераментном, способном влиять на других.

В составе рабочих социал-демократических групп Малиновский принимал участие в трех легальных всероссийских съездах. Выступления Малиновского были замечены. Съезды позволили ему ближе познакомиться с рядом видных социал-демократов.

15 ноября 1909 г. Малиновский был арестован как участник нелегального собрания. После двухмесячной отсидки в доме предварительного заключения и запрещения жительства в Петербурге он вынужден был в феврале 1910 г. перебраться в Москву. Правление союза металлистов помогло ему материально. Снова пришлось вспомнить токарное ремесло, почти забытое за три года секретарства. Москва не сулила ему прежних возможностей и масштабов общественной деятельности. Слабые профсоюзы объединяли здесь небольшое число рабочих, профсоюз металлистов был закрыт еще в июле 1907 г.

В Москве Малиновский решил заняться образованием. Он поступил на вечерние курсы по истории в народный университет им. А. Л. Шанявского и на курсы по кооперации. Здесь он познакомился со многими московскими социал-демократами.

В начале 1910 г. в РСДРП была предпринята попытка разрешить разногласия между враждующими фракциями, и в Париже на январском пленуме ЦК было принято решение сформировать Русскую коллегия ЦК – практический центр, способный наладить революционную работу во всероссийском масштабе. Именно на пленуме было принято решение ввести в ЦК рабочих и была предложена кандидатура Малиновского. Но не успел он стать членом ЦК, как в мае 1910 г. был арестован. Освободили его через десять дней. Малиновский объяснил столь быстрое освобождение тем, что правительство, как ему сказали в охранке, ничего не имеет против работы в профсоюзах, а в революционных партиях он дал честное слово не участвовать.

Позднее, на следствии и на суде в 1918 г., Малиновский показал, что после московского ареста его допрашивали в охранном отделении три раза. Инкриминировалась ему органи-

зация типографии в Ярославле, за это полагалась суровая кара – до 12 лет каторги. Ротмистр Иванов, заведовавший социал-демократическим отделом охранного отделения, склонил его к сотрудничеству, пообещав в этом случае прекратить дело; боязнь каторги, необеспеченность жены и детей вынудили его согласиться, хотя и не сразу. Решающим обстоятельством явилась угроза открыть его уголовное прошлое. В показаниях Иванова в 1917 г. говорится, что Малиновский сам заявил о желании стать секретным сотрудником. Он получил кличку «Портной».

Первое донесение Малиновского датировано 5 июля 1910 г. Всего за два с половиной года службы в Московском охранном отделении на основании его бесед с руководителями охраны была составлена 81 агентурная записка: 25 в 1910 г., 33 – в 1911 г. и 23 – в 1912 г. Поскольку «Портной» проявил «большие способности», росла и его «ценность», что вполне осязаемо выразилось для него в повышении жалования с первоначальных 50 рублей до 100.

Малиновский по заданию охранного отделения должен был обратить на себя внимание и произвести впечатление на лидеров партии РСДРП, войти к ним в доверие. Он добился этого на VI-й Всероссийской конференции партии в Праге в 1912 г., где был избран членом ЦК РСДРП.

Одной из главных причин выдвижения Малиновского в РСДРП является то, что он был видным деятелем рабочего движения. Особенно большую популярность Малиновскому не только среди руководителей социал-демократической партии, но и среди широкой рабочей массы создало то, что он был секретарем одного из самых крупных профессиональных союзов, а именно союза металлистов. Был популярен среди рабочих, умел с ними общаться, имел авторитет.

Осенью 1912 г. избран депутатом IV Думы от Московской губ. (по рабочей курии). С помощью Московского охранного отделения и Департамента полиции все препятствия для избрания Малиновского (в частности, уголовное прошлое) были ликвидированы, и в 1913 г. он становится председателем думской фракции большевиков.

Группе депутатов-большевиков отводилась роль легального центра, способного вести в более или менее прикрытом виде революционную агитацию и воздействовать тем самым на рабочее движение. Большевистское руководство намеревалось использовать сильные качества Малиновского. Приобретенная им известность оратора на рабочих собраниях и общественных съездах давала основания верить в его успех на думской трибуне.

С другой стороны, быстро обнаружились особенности его характера, осложнявшие коллективную работу: высокомерие и крайняя неуравновешенность. В сравнении с деловыми достоинствами Малиновского все это казалось, однако, не столь важным. Главной сферой проявления этих достоинств была думская трибуна. Кроме того, преимущество Малиновского перед другими депутатами заключалось в петербургских связях. Он знал многих известных рабочих-партийцев из числа металлистов.

После избрания в Думу Малиновский становится личным секретным сотрудником «Икс» директора Департамента полиции С. П. Белецкого. Встречались они обычно в заранее заказанных на подставное лицо отдельных кабинетах петербургских ресторанов – Палкина, «Малоярославец», «Старый Донон», «Новый Донон». Сначала приходили Белецкий с вице-директором Виссарионовым, через некоторое время появлялся «Икс».

В располагающей, непринужденной обстановке Белецкий задавал вопросы, Виссарионов вел записи (потом, когда он покинул Департамент полиции, записывать стал сам директор). Кроме тетради – дневника агентурных наблюдений «Икса», – Белецкий брал с собой доклады начальников охранных отделений и заграничной агентуры. «Икс» выступал здесь в качестве эксперта: проверял, уточнял, давал разъяснения, иногда обещал навести справки у того или иного депутата. С собою «Икс» приносил письма Ленина, Зиновьева, Крупской, приносил также проекты или тексты своих речей, получая указания, какие места следует смягчить; однажды принес весь архив фракции (архив переходил от одного депутата к другому), и за ночь по поручению Белецкого было перепечатано все, что его интересовало. Сообщал «Икс» и о намерениях депутатов во время их поездок на места, чтобы Белецкий мог

через провинциальные розыскные органы расстроить намечавшиеся собрания; когда же депутаты возвращались, он докладывал об их впечатлениях. Помогала ему поистине феноменальная память.

Свидания преследовали со стороны Белецкого и иную, «воспитательную» цель: дать почувствовать «Иксу», что его сведения также есть чем проверить. Малиновский многое скрывал, сильно дорожа, по словам Белецкого, своим положением в партии и во фракции, но в распоряжении Департамента полиции имелось достаточно других источников информации. Когда во время свидания Малиновский что-то недоговаривал, Белецкий его поправлял и довел в конце концов до убеждения, что в составе фракции есть еще один секретный сотрудник.

Два раза в месяц Виссарионов, выполнявший еще и функции кассира, выплачивал «Иксу» жалованье под собственноручные его расписки измененным почерком.

До 1 февраля 1913 г. Малиновскому платили 400 рублей в месяц, затем 500, оплачивали его поездки и ресторанные счета. Ничье предательство, если брать агентов по РСДРП, не оплачивалось еще так щедро.

При переходе Малиновского в ведение Департамента полиции Белецкий не потребовал от него привычных доносов на конкретных лиц. С этим справлялись сотрудники столичной охраны. Департамент полиции нуждался прежде всего в квалифицированной оценке политики РСДРП. Сведения Малиновского содержали информацию сразу по нескольким направлениям: о составе бюро социал-демократической фракции; о готовившихся побегах с каторги; о предполагавшихся на время рождественских каникул поездках депутатов за границу. Самое важное для Белецкого заключалось в характеристике отношений внутри фракции. На Малиновского возлагалась серьезная задача сделать Ленина сторонником идеи раскола с меньшевиками.

Полоса неприятностей для Малиновского началась летом 1913 г., когда у соратников по партии появились первые подозрения о его деятельности в качестве секретного агента.

Так, например, в Киеве была арестована Е. Ф. Розмирович, которую заграничное бюро ЦК направило с рядом партийных поручений в Россию. В ходе допросов местные жандармы продемонстрировали обширную осведомленность о ее встречах и планах. В своих письмах к мужу она поделилась с ним выводами касательно Малиновского. Кроме того, один из депутатов думской фракции большевиков, Петровский, тоже высказывал сомнения насчет Малиновского, отмечая широкий образ жизни, который тот вел. Малиновский объяснял это тем, что его жена получила наследство.

Эти подозрения были отвергнуты, в том числе такими видными деятелями РСДРП, как Ленин и Зиновьев. Они официально ответили, что берут на себя полную ответственность за Малиновского. Итак, в конце 1913 – начале 1914 г. доверие к нему со стороны партийного руководства, членов фракции и их советников оставалось высоким.

Тем не менее в мае 1914 г. Малиновский сложил с себя депутатские полномочия и выехал за границу, даже не сообщив об этом большевистскому руководству, за что был исключен из партии за дезертирство.

Только в 1917 г. стало ясно, что уход Малиновского из Думы вовсе не был результатом его свободного выбора. На самом деле он выполнял волю товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского, который связывал удаление Малиновского с другими преобразованиями, призванными несколько облагородить подчиненное ему ведомство, оживив тем самым фактически замороженную работу по реформированию политической полиции.

Владимир Федорович Джунковский (1865–1938) был личностью весьма примечательной и неординарной. За десять лет, с 1910 по 1915 г., он прошел путь от капитана до генерал-майора Свиты, получив в эти же годы сначала должность вице-губернатора и московского губернатора, а затем – командира Отдельного корпуса жандармов и товарища (заместителя) министра внутренних дел.

23 января 1913 г. он был назначен на пост командира Отдельного корпуса жандармов и товарища министра внутренних дел, «курирующего» всю политическую полицию империи.

Познакомившись с деятельностью своего нового ведомства, В. Ф. Джунковский приступил к реформе полиции и борьбе с порочными методами ее работы, прежде всего с провокаторством.

В 1913–1914 гг. В. Ф. Джунковским была ликвидирована большая часть районных охранных отделений, часть охранных отделений была упразднена или преобразована в розыскные пункты, а руководство розыскной деятельностью на местах было сосредоточено в губернских жандармских управлениях. Одновременно он принял меры по реорганизации внутренней агентуры. Циркуляром 1 мая 1913 г. В. Ф. Джунковский запретил вербовать секретных агентов из воспитанников средних учебных заведений и военнослужащих.

Провокация стала страшной язвой, разъедавшей не только политическую полицию и армию, но и все общество. Главную ответственность за распространение таких безнравственных и вредных для безопасности государства методов розыскной работы В. Ф. Джунковский возлагал на бывшего командира Корпуса жандармов П. Г. Курлова и директора Департамента полиции С. П. Белецкого. Последнего В. Ф. Джунковский считал самой одиозной фигурой и при первой же возможности избавился от него, заменив в начале 1914 г. своим надежным сотрудником В. А. Брюн де Сент-Ипполитом. Не менее решительно он освобождался и от других чиновников полицейского ведомства, не вызывавших у него доверия и скомпрометировавших себя нечистоплотными методами работы.

Новшества Джунковского были в глазах профессионалов политического сыска попытками соединить несоединимое: заботу о повышении эффективности действий полиции с этическими ограничениями, с их точки зрения неуместными и обременительными.

Своими решительными мерами В. Ф. Джунковский нажил себе множество недоброжелателей. Самым ярким его врагом стал С. П. Белецкий. Впоследствии, после отставки В. Ф. Джун-

ковского, он вернулся в Министерство внутренних дел и сразу же инспирировал издание брошюры Н. П. Тихменева, «разоблачавшего» «либеральное направление генерала Джунковского и его сочувствие освободительному движению».

Возглавив политический сыск России, Джунковский узнал, кто скрывается под кличкой «Икс». Об агенте-депутате ему сказал в марте 1913 г. Виссарионов, причем в этом конкретном вопросе мнения их сошлись, несмотря на некоторое несходство мотивов.

Виссарионов считал, что «Малиновский не подчиняется "руководительству" Департамента полиции, не желая ограничивать свою деятельность функциями осведомителя. Виссарионова не устраивали размеры и характер как думской, так и внедумской работы Малиновского, далеко выходявшей, по его мнению, за пределы допустимого»²³.

«Ход мыслей Джунковского был несколько иной: недопустимо "провоцировать Думу", ибо это неотъемлемая часть государственной системы. Малиновского он видел и, вероятно, слышал, посещая заседания Думы, он "возмущался всегда его резкими выступлениями", его "крайне непримиримыми взглядами". Впоследствии Джунковский признавался, что совмещение обязанностей депутата и секретного сотрудника ему "претило". Кроме того, оно представлялось ему опасным с точки зрения поддержания устойчивости монархического режима: политический скандал в случае разоблачения Малиновского причинил бы правительству больший вред, чем утрата той информации, которую тот поставлял»²⁴.

В результате начальник Петербургского охранного отделения П. К. Попов вместе с известным Малиновскому по Москве ротмистром Ивановым встретились с ним и передали требование Джунковского: в течение трех дней подать заявление о выходе из

---

²³ Виссарионов С. Е. Падение царского режима по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Л., 1925. Т. 3. С. 460–472; М.; Л., 1926. Т. 5. С. 218–219.

²⁴ Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 78–79; Падение царского режима... М.; Л., 1926. Т. 5. С. 81–86.

Думы и уехать за границу; на этих условиях ему выдавался годовой оклад жалования – 6 тысяч рублей. Сумма была выдана Малиновскому под расписку после его ухода из Думы. До границы его сопровождали два агента.

Уход Малиновского произвел эффект разорвавшейся бомбы. В партии не могли понять, с чем связан его внезапный уход с политической арены страны. В результате он был исключен из партии за дезертирство.

По делу Малиновского проходили три следственных процесса: комиссия ЦК РСДРП в составе Я. С. Ганецкого (председатель), Г. Е. Зиновьева и В. И. Ленина, работавшая в Поронине (Галиция) в мае – июне 1914 г.; Чрезвычайная следственная комиссия, созданная Временным правительством в марте 1917 г. для расследования противозаконных действий должностных лиц царского режима; Верховный революционный трибунал при ВЦИК, заседавший в ноябре 1918 г. и приговоривший Малиновского к расстрелу.

На первом процессе Малиновскому удалось ввести в заблуждение достаточно опытное в конспиративных делах руководство большевистской партии и получить официальное, опубликованное в печати заключение ЦК РСДРП о его «политической честности». Выводы сводились к тому, что обвинять Малиновского в политической нечестности нет никаких оснований, но сложение депутатских полномочий без ведома руководства партии, без предварительных объяснений с избираемыми и товарищами по фракции является чудовищным нарушением дисциплины, фактом дезорганизации. Тем самым, говорилось в постановлении, Малиновский поставил себя вне рядов организованных марксистов. Утверждалось также, что этот поступок не имел под собой политической подкладки и вызван был обостренной нервозностью, душевной усталостью, временным затмением. Признавалась возможность возвращения Малиновского в будущем в партию – по специальному решению «марксистского целого», если этот вопрос будет поставлен рабочими.

Можно выделить несколько причин, вызвавших неудачу комиссии ЦК РСДРП. Во-первых, недостаточность объек-

тивных доказательств провокаторской деятельности Малиновского, приведенных свидетелями. Департамент полиции проявлял осмотрительность в планировании и проведении полицейских акций, вызванных информацией Малиновского. Малиновский ловко приспособлялся к обстоятельствам и окружающим его людям, учитывая их характеры, психологию, использовал в своих интересах их настрой против шпиономании, взаимной подозрительности, зачастую парализовавших подполье в годы реакции.

Во-вторых, активная деятельность Малиновского в пользу партии, по укреплению авторитета большевиков в рабочем движении, его тесная связь с заграничным центром партии и осуществление политической линии и конкретных указаний последнего.

В-третьих, повлиявшая на работу комиссии острейшая конфронтация между большевиками, с одной стороны, меньшевиками и другими фракциями и течениями РСДРП – с другой. В этих условиях возникли нетерпимость, непримиримость, взаимное недоверие по всем вопросам. Поскольку подозрения в отношении Малиновского первоначально исходили главным образом от меньшевиков, большевистская комиссия не смогла занять полностью объективную позицию, рассматривая свидетельства против него как очередную интригу политических противников.

После начала Первой мировой войны Малиновский был призван в действующую армию; вскоре попал в плен и находился в одном из немецких лагерей военнопленных.

Второе официальное расследование дела Малиновского проводила Чрезвычайная следственная комиссия на основе свидетельских показаний (было опрошено не менее тридцати человек) и документов Департамента полиции. Расследование началось в марте 1917 г. и затянулось до осени. Сам Малиновский оставался вне пределов досягаемости.

В фокусе внимания комиссии оказалось избрание Малиновского депутатом IV Государственной думы. Дума рассматривалась как источник законной власти Временного правительства, посягательство на ее престиж – избрание депутатом

агента охраны – оценивалось как доказательство преступности деятелей свергнутого режима, нарушивших «конституцию» – Манифест 17 октября. Но тем самым как бы подсказывался и другой вывод: большевики были вольными или невольными соучастниками преступлений царизма.

Третье расследование началось после возвращения Малиновского из плена в октябре 1918 г. Следствие продолжалось недолго. 27–28 октября Малиновский написал показания, 29 и 30 октября его кратко допросил следователь трибунала В. Э. Кингисепп. Обвинительное заключение основывалось почти целиком на материалах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Свидетелей было всего три – С. Е. Виссарионов, В. Ф. Джунковский и В. Ф. Плетнев.

В ноябре 1918 г. Малиновский в результате приговора Верховного трибунала при ВЦИК был расстрелян.

Список источников и литературы

Источники

1. Азеф, Е. Ф. Письма: 1893–1917 / Е. Ф. Азеф. – М., 1994. – 287 с.
2. Бурцев, В. Л. В погоне за провокаторами / В. Л. Бурцев. – М., 1989. – 270 с.
3. Герасимов, А. В. На лезвии с террористами / А. В. Герасимов. – М., 1991. – 208 с.
4. Глобачев, К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / К. И. Глобачев. – М., 2009. – 519 с.
5. Джунковский, В. Ф. Воспоминания / В. Ф. Джунковский. – М., 1997. – Т. 1–2.
6. Материалы следственной комиссии ЦК РСДРП по делу Р. В. Малиновского (май – ноябрь 1914 г.) // Вопросы истории. – 1993. – № 9–12.
7. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. – М., 2004. – Т. 1–2.
8. Письма Азефа // Вопросы истории. – 1993. – № 4–5, 8.
9. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.). – М., 2001. – 520 с.
10. Савинков, Б. В. Воспоминания террориста / Б. В. Савинков. – М., 2009. – 445 с.
11. Спиридович, А. Записки жандарма / А. Спиридович. – М., 1991. – 264 с.
12. Курлов, П. Г. Гибель императорской России / П. Г. Курлов. – М., 1991. – 255 с.

Литература

1. Гейфман, А. В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция / А. Гейфман. – М., 2002. – 256 с.
2. Городницкий, Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. / Р. А. Городницкий. – М., 1998. – 239 с.
3. Григорьев, Б. Н. Повседневная жизнь российских жандармов / Б. Н. Григорьев, Б. Г. Колоколов. – М., 2007. – 852 с.
4. Ерошкин, Н. П. Российское самодержавие / Н. П. Ерошкин. – М., 2006. – 495 с.
5. Жухрай, В. Тайны царской охранки: Авантюристы и провокаторы / В. Жухрай. – М., 1991. – 333 с.
6. Лурье, Ф. М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917 / Ф. М. Лурье. – СПб., 1992. – 413 с.
7. Перегудова, З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.) / З. И. Перегудова. – М., 2000. – 432 с.
8. Розенталь, И. С. Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время / И. С. Розенталь. – М., 1996. – 272 с.
9. Симбирцев, И. На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880–1917 / И. Симбирцев. – М., 2006. – 429 с.
10. Щеголев, П. Е. Охранники, агенты, палачи / П. Е. Щеголев. – М., 2004. – 288 с.

Оглавление

Лекция I. Введение в тему. Источники и историография.....	3
Лекция II. Структура и функции органов политического сыска.....	12
1. Департамент полиции	12
2. Отдельный корпус жандармов.....	17
3. Охранные отделения.....	22
4. Заграничная агентура.....	27
Лекция III. Основные направления деятельности органов политического сыска	34
1. Перлюстрация.....	34
2. Наружное наблюдение.....	42
3. Секретная агентура	51
Лекция IV. Деятели политического сыска и секретные агенты	57
1. Г. П. Судейкин и С. П. Дегаев	57
2. А. В. Герасимов и Е. Ф. Азеф	62
3. В. Ф. Джунковский и Р. В. Малиновский.....	73
Список источников и литературы.....	84

Учебное издание

Мойсинович Анна Михайловна

Политический сыск в России в конце XIX – начале XX в.

Текст лекций

Редактор, корректор М. Э. Левакова
Верстка Е. Л. Шелехова

Подписано в печать 08.12.10. Формат 60×84^{1/16}.
Бум. офсетная. Гарнитура "Times New Roman".
Усл. печ. л. 5,11. Уч.-изд. л. 4,0.
Тираж 70 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе Ярославского
государственного университета им. П. Г. Демидова.

Отпечатано на ризографе.

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова.
150000, Ярославль, ул. Советская, 14.

ISBN 978-5-8397-0790-0

9 785839 707900

А. М. Мойсинович

**Политический сыск в России
в конце XIX – начале XX в.**

